

No. 3 / 2021

Семейное и

Гражданское

Право

СЕМЕЙНОЕ И ЖИЛИЩНОЕ ПРАВО

№ 3 • 2021

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ. Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций от 12 сентября 2008 г. Рег. ПИ № ФС-7733088. Журнал выходит с 2003 г. Издается 1 раз в 2 месяца

Учредитель: Издательская группа «Юрист»

Главный редактор журнала:

Крашенинников П.В., д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ

Зам. главного редактора журнала:

Гонгало Б.М., д.ю.н., профессор;
Михеева Л.Ю., д.ю.н., профессор,
заслуженный юрист РФ

Ответственный редактор журнала:

Чашкова С.Ю., к.ю.н., доцент

Редакционный совет:

Алябьева И.И., к.ю.н.;
Беспалов Ю.Ф., д.ю.н., профессор;
Блинков О.Е., д.ю.н., профессор;
Веняляйнен М., д.общ.н.;
Гетман Е.С., к.ю.н.;
Ключникова Я.А., к.ю.н.;
Косова О.Ю., д.ю.н., доцент;
Левушкин А.Н., д.ю.н., доцент;
Маньлов И.Е., к.ю.н.;
Низамиева О.Н., к.ю.н., доцент;
Пчелинцев С.В., д.ю.н.;
Пчелинцева Л.М., д.ю.н., профессор;
Рабец А.М., д.ю.н., профессор;
Самойлов А.С., д.ю.н., профессор;
Тоцкий Н.Н., к.ю.н.;
Трунцевский Ю.В., д.ю.н., профессор;
Чефранова Е.А., д.ю.н., профессор,
заслуженный юрист РФ;
Шелютто М.Л., к.ю.н.

Главный редактор ИГ «Юрист»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор,
чл.-корр. РАО, заслуженный юрист РФ

Редакция:

Лаптева Е.А., Соловьева Д.В.

Верстка:

Калинина Е.С.

Научное редактирование и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Центр редакционной подписки:

Тел.: (495) 617-18-88 (многоканальный).

Адрес редакции / издательства:

115035, г. Москва, Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.
Тел.: (495) 953-91-08.

E-mail: avtor@lawinfo.ru, www.lawinfo.ru

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.
Журнал включен в базу данных Российского индекса
научного цитирования (РИНЦ)

Подписка по России:

«Объединенный каталог. Пресса России» – 15105,
а также через www.lawinfo.ru.

Отпечатано в компании

«Национальная полиграфическая группа».
Адрес типографии: 248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.
Тел.: (4842) 70-03-37.

Номер подписан: 19.04.2021.

Дата выхода в свет: 29.04.2021.

ISSN 1999-477X

Цена свободная.

Формат 60x90/8.

Печать офсетная. Физ. печ. л. 6,0.

Общий тираж 3000 экз.

© ИГ «Юрист», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

- Касаткина А.Ю.** К вопросу об источниках семейного права в Российской Федерации 3
- Козлова Н.А., Трофимова М.С.** Правовые проблемы защиты отцовства в современной России 6
- Корнакова С.В., Полетаева Е.Л., Чигрина Е.В.** Суррогатное материнство: проблемы правового регулирования 10
- Курчинская-Грассо Н.О.** «Права опеки» и «права доступа» в системе родительских прав 14
- Матвеев И.В.** Введение института совместного банкротства супругов: проблемы и перспективы 18
- Рудьман Д.С., Слышалов И.В., Цвилий-Букланова А.А.** Укрепление института семьи как основа безопасности современного российского общества 22
- Степанян А.С.** Перспективы применения искусственного интеллекта в семейных правоотношениях: проблемы теории и практики 26
- Филиппова Т.А., Титаренко Е.П.** Динамика семейно-правовых соглашений: проблемы правового регулирования 30

ЖИЛИЩНОЕ ПРАВО

- Колоколова Е.О.** Управление многоквартирным домом: за и против 34
- Мандрыка Е.В., Мандрыка Н.Н.** Защита конституционного права на жилище при обращении взыскания на единственное пригодное для проживания жилое помещение должника в контексте правоприменения 38
- Никифорова Н.Н.** Проблема определения круга объектов жилищных прав в Жилищном кодексе Российской Федерации 41
- Николюкин С.В.** К вопросу о правовом значении категории «достаточность» в жилищных правоотношениях 45

Судьялар олий кенгаши
Судьялар олий мактаби
КУТУБХОНА

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Полная или частичная перепечатка авторских материалов без письменного разрешения редакции преследуется по закону.

FAMILY AND HOUSING LAW

No. 3 • 2021

RESEARCH AND PRACTICE, INFORMATION JOURNAL. REGISTERED AT THE FEDERAL SERVICE FOR SUPERVISION IN THE SPHERE OF COMMUNICATIONS AND MASS COMMUNICATIONS OF SEPTEMBER 12, 2008. REG. PI No. FC-7733088. PUBLISHED SINCE 2003. PUBLISHED BIMONTHLY WITH SIX ISSUES A YEAR

Publisher: Jurist Publishing Group

Editor in Chief of the journal:

Krashennikov P.V.,
LL.D., Professor, Honored lawyer of the RF

Deputy Editors in Chief of the journal:

Gongalo B.M., LL.D., Professor;
Mikheeva L.Yu., LL.D., Professor,
Honored lawyer of the RF

Executive editor of the journal:

Chashkova S.Yu., PhD (Law), Associate Professor

Editorial Board:

Alyabyeva I.I., PhD (Law);
Bespalov Yu.F., LL.D., Professor;
Blinkov O.E., LL.D., Professor;
Venyalaynen M., doctor of social sciences;
Getman E.S., PhD (Law);
Kluchnikova Ya.A., PhD (Law);
Kosova O.Yu., LL.D., Associate Professor;
Levushkin A.N., LL.D., Associate Professor;
Manylov I.E., PhD (Law);
Nizamieva O.N., PhD (Law), Associate Professor;
Pchelintsev S.V., LL.D.;
Pchelintseva L.M., LL.D., Professor;
Rabec A.M., LL.D., Professor;
Samoylov A.S., LL.D., Professor;
Totsky N.N., PhD (Law);
Truntsevsky Yu.V., LL.D., Professor;
Chefranova E.A., LL.D., Professor, Honored lawyer of RF;
Shelutto M.L., PhD (Law)

Editor in Chief of Jurist Publishing Group:

Grib V.V., LL.D., Professor,
corresponding member of the RAE,
Honored lawyer of the RF

Editorial Office:

Lapteva E.A., Solovyova D.V.

Layout:

Kalinina E.S.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., PhD (Law)

Editorial Subscription Centre:

Tel.: (495) 617-18-88 (multichannel).

Correspondence Address:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamiyanskaya Emb.,
Moscow, 115035. Tel.: (495) 953-91-08.

E-mail: avtor@lawinfo.ru,
www.lawinfo.ru

Authors shall not pay for publication of their articles.

The journal is included in the database
Russian science citation index

Subscription in Russia:
Unified Catalogue. Russian Press – 15105,
and on www.lawinfo.ru

Printed by National Polygraphic Group Ltd.,
2, Svetlaya st., Kaluga, 248031. Tel.: (4824) 70-03-37

Passed for printing: 19.04.2021.

Edition was published: 29.04.2021.

ISSN 1999-477X

Free market price. Size 60x90/8.

Offset printing. Printer's sheet 6,0.

Circulation 3000 copies.

© Jurist Publishing Group, 2021

CONTENTS

FAMILY LAW

- Kasatkina A.Yu.** On Family Law Sources in the Russian Federation 3
- Kozlova N.A., Trofimova M.S.** Legal Issues of Protection of Paternity in the Modern Russia 6
- Kornakova S.V., Poletaeva E.L., Chigrina E.V.** Surrogacy: Legal Regulation Issues 10
- Kurchinskaya-Grasso N.O.** Child Custody and Access Rights in the Parental Right System 14
- Matveev I.V.** The Establishment of the Institution of Joint Bankruptcy of Spouses: Problems and Prospects 18
- Rudman D.S., Slyshalov I.V., Tsviliy-Buklanova A.A.** Strengthening of the Family Institution as a Basis for Security of the Modern Russian Society 22
- Stepanyan A.S.** Prospects of Artificial Intelligence Application in Family Relationships: Issues of Theory and Practice 26
- Filippova T.A., Titarenko E.P.** Dynamics of Family Law Agreements: Legal Regulation issues 30

HOUSING LAW

- Kolokolova E.O.** Apartment Block Management: For and Against 34
- Mandryka E.V., Mandryka N.N.** Protection of the Constitutional Right to Housing in Case of Forfeiture of the Debtor's Sole Dwelling Suitable for Living within the Framework of Law Enforcement 38
- Nikiforova N.N.** Issues of the Determination of the Range of Housing Right Objects in the Housing Code of the Russian Federation 41
- Nikolyukin S.V.** On the Legal Meaning of the "Sufficiency" Category in Housing Relationships 45

The journal is recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the RF for publication of basic results of PhD and doctoral theses.

Complete and partial reproduction of authors' materials without prior written permission of the Editorial Office shall be prosecuted in accordance with law.

К вопросу об источниках семейного права в Российской Федерации

Касаткина Анастасия Юрьевна,
помощник адвоката коллегии адвокатов «Юков и партнеры»,
кандидат юридических наук
 nksmgs@mail.ru

В статье исследуется вопрос об источниках семейного права. Автор сделал заключение о том, что все источники семейного права необходимо разделить на 2 группы по наличию либо отсутствию нормативности: 1) семейное законодательство, причастное к нему законодательство, исходя из существа семейных отношений; нормы нравственности, представленные и не представленные в законодательстве о семье; обычаи правовые и неправовые; общечеловеческие ценности и семейные ценности, включая традиции; религиозные нормы, действующие с названными регуляторами; соглашения и договоры, предусмотренные семейным законодательством, то есть источники нормативного свойства; 2) природные инстинкты; чувства; философско-нравственные категории; традиции конкретной семьи, то есть регуляторы, не обладающие свойствами нормативности, однако участвующие в упорядочивании семейных отношений.

Ключевые слова: источники, регуляторы нормативного и ненормативного свойства, право, нравственность, обычаи, традиции, природный инстинкт.

On Family Law Sources in the Russian Federation

Kasatkina Anastasia Yu.
Paralegal at Yukov and Partners Bar Association, PhD (Law)

The article examines the question of the sources of family law. The author concluded that all sources of family law should be divided into 2 groups according to the presence or absence of normativity: 1) family legislation, legislation involved in it, based on the essence of family relations; norms of morality, presented and not represented in family legislation; legal and non-legal customs; general human values and family values, including traditions; religious norms operating with the named regulators; agreements and contracts provided for by family law, that is, sources of a regulatory nature; 2) natural instincts; feelings; philosophical and moral categories; traditions of a particular family, that is, regulators that do not possess the properties of normativity, but participate in the ordering of family relations.

Keywords: sources, regulators of normative and non-normative nature, law, morality, customs, traditions, natural instinct.

Многообразие семейных отношений, невозможность урегулировать правом некоторые из них, наличие различного свойства семейных ценностей, особое положение семьи как социально-правового образования и многие иные факторы вызывают необходимость применения к семейным отношениям различных источников. Учеными-семейноведами обосновываются разные подходы к пониманию социальных регуляторов семейных отношений¹.

Надо полагать, что под источниками семейного права следует понимать социальные регуляторы правового и иного нормативного характера, регламентирующие семейные отношения, а также социальные механизмы не нормативного свойства, однако также участвующие в упорядочивании семейных отношений.

Все регуляторы семейных отношений можно разделить на 2 группы: нормативного и не нормативного свойства.

К первой группе отнесем: нормы семейного и иного, причастного к нему законодательства (например, гражданского, административного); нормы нравственности; обычаи; семейные традиции и иные семейные ценности; религиозные нормы; семейно-правовые соглашения.

Во второй группе отнесем природный инстинкт², чувства, традиции конкретной семьи, философско-нравственные категории, лишенные государственно-властного характера.

¹ Беспалов Ю.Ф. О правовом значении и ценности некоторых философско-нравственных категорий в семейных отношениях // Семейное и жилищное право. 2020. № 3. С. 33–35; Саенко Л.В. Социально-правовое регулирование семейных отношений: современное состояние, перспективы развития // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2013. Т. 3. С. 1076–1080; Рабец А.М. Семейное право: курс лекций для студ. юрид. вузов. Белгород: Везелица, 1998. 192 с.; Нечаева А.М. Семейное право: учеб. для вузов. 8-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2020. 294 с.; Касаткина А.Ю. Социальные регуляторы семейных отношений в РФ: некоторые теоретические и практические аспекты // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». 2019. № 4. С. 1–5; Рясенцев В. А. Семейное право: учебник. М.: Юрид. лит., 1971. 296 с.; и др.

² Беспалов Ю.Ф. О правовом значении и ценности некоторых философско-нравственных категорий в семейных отношениях // Семейное и жилищное право. 2020. № 3. С. 33–35.

Нормы семейного законодательства содержатся как в национальном, так и международном законодательстве, признанном Российской Федерацией, международных договорах РФ: Конституции РФ; Семейном кодексе РФ; Федеральном законе от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния»; Федеральном законе от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»; Федеральном законе от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве»; Федеральном законе от 27 декабря 2018 г. № 501-ФЗ «Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации»; Конвенции о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950); Конвенции о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989); Конвенции по вопросам гражданского процесса (заключена в г. Гааге 01.03.1954); Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей (заключена в г. Гааге 25.10.1980); Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (заключена в г. Минске 22.01.1993); Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (заключена в г. Кишиневе 07.10.2002); двусторонних договорах о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (с Киргизской Республикой 1992 г., с Азербайджанской Республикой 1992 г. и с Республикой Молдова 1993 г.) и некоторых других.

Нормы нравственности предусмотрены в ст. 1, 7, 12, 27, 30, 31, 54, 63 Семейного кодекса РФ (СК РФ) и некоторых других. Это добросовестность, разумность, забота и др.

Обычаи установлены в ст. 1, 58 СК РФ.

Традиции и иные семейные ценности содержатся во многих из названных источников. Кроме того, регламентируют семейные отношения и религиозные нормы, например, обряд венчания, который действует по желанию брачующихся.

Регулятором семейных отношений являются и соглашения как категории объективного права. В СК РФ предусмотрены: брачный договор (гл. 8); соглашение об уплате алиментов (гл. 16); соглашение о разделе имущества (гл. 7); соглашение о порядке общения с ребенком (п. 2 ст. 66); соглашение об определении места жительства ребенка (п. 3 ст. 65).

Соглашения и договоры – одна из форм социальных регуляторов. Их отличие от нормативных правовых актов в том, что они заключаются по воле членов семьи или бывших членов семьи.

Все названные источники содержат положения нормативного свойства, разные по юридической силе. Вместе с тем данными социальными регуляторами не могут быть урегулированы некоторые семейные отношения. Например, чувства отца и матери, проявляемые к своему ребенку, эмоции, любовь. Некоторые из них относятся к философско-нравственным категориям³.

Руководствуясь природным инстинктом, мать кормит ребенка грудным молоком, проявляет чувства материнства

³ Беспалов Ю.Ф. О правовом значении и ценности некоторых философско-нравственных категорий в семейных отношениях // Семейное и жилищное право. 2020. № 3. С. 33–35.

в различных формах (жесты, ласки и т.д.), соблюдает традиции семьи, передаваемые из поколения в поколение.

Е.В. Гордеюк указала, что чувства взаимной любви и взаимного уважения могут быть рассмотрены и в качестве благ, по поводу которых участники семейных отношений вступают в правовые связи между собой, то есть объектов прав⁴.

Исследуя брачные отношения современности, А.М. Нечаева писала о том, что к данным отношениям применяются сложившиеся обычаи, традиции, правила религиозного характера⁵.

По мнению С.С. Оганесяна, общечеловеческие ценности могут складываться и формироваться исключительно в эпоху, когда человечество начинает осознавать права человека на Земле вне зависимости от места и условий его рождения, образования и национальности⁶.

К.У. Камбарова отмечает, что общечеловеческие ценности отличаются тем, что выражают общие интересы человеческого рода, свободные от национальных, политических, религиозных и иных пристрастий, и в этом качестве выступают императивом развития человеческой цивилизации. Общечеловеческие ценности – это предельные по своей значимости ценности, отражающие фундаментальные отношения и потребности людей⁷.

П.А. Якушев справедливо отмечает, что особое место в регулировании семейных отношений занимают традиционные семейные ценности, такие как: приоритет воспитания ребенка в семье, уважение к старшим, забота о детях, взаимная любовь и поддержка супругов и др. Во многих случаях традиционным семейным ценностям в регулировании семейных отношений принадлежит более существенная роль, чем нормам права⁸.

Ученые-психологи семейные ценности понимают как культивируемую в обществе совокупность представлений о семье, влияющих на выбор семейных целей, способов организации жизнедеятельности и взаимодействия⁹.

По мнению Ю.Ф. Беспалова, семейные ценности следует понимать в виде единой системы постоянно действующих, многовековых, передаваемых из поколения в поколение, устанавливаемых различными социальными регуляторами основ жизни и деятельности, взаимного общения членов семьи между собой, с другими семьями, обществом и государством в целом¹⁰.

Согласно ст. 114 Конституции РФ, Правительство Российской Федерации обеспечивает проведение в Рос-

⁴ Гордеюк Е.В. Объекты брачных отношений по законодательству РФ и стран СНГ // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 11. С. 71–73; Гордеюк Е.В. Правовой режим нематериальных благ как объектов брачных правоотношений // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 7. С. 166–169.

⁵ Брак, семья, закон / А.М. Нечаева; отв. ред.: В.А. Рясенцев. М.: Наука, 1984.

⁶ Оганесян С.С. О понятии «общечеловеческие ценности» в современном мире // Ценности и смыслы. 2019. № 5 (63). С. 82–94.

⁷ Камбарова К.У. Общечеловеческие ценности: понятие и сущность // Молодой ученый. 2016. № 11. С. 1810–1812.

⁸ Якушев П.А. Споры о детях: традиционные ценности и судебная практика: монография. М.: Проспект, 2018. 144 с.

⁹ Определение «Семейные ценности» // Олифинович Н.И., Зинкевич-Куземкина Т.А., Велента Т.Ф. Психология семейных кризисов: глоссарий терминов. СПб., 2006. С. 18.

¹⁰ Беспалов Ю.Ф. К вопросу о семейных ценностях в Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2018. № 5. С. 6–8.

сийской Федерации единой социально ориентированной государственной политики в области сохранения традиционных семейных ценностей¹¹.

Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденная распоряжением Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р, устанавливает, что государственная семейная политика представляет собой целостную систему принципов, задач и приоритетных мер, направленных на сохранение традиционных семейных ценностей¹².

¹¹ URL: <http://www.pravo.gov.ru>

¹² Распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в РФ на период до 2025 г.» // СЗ РФ. 2014. № 35. Ст. 4811.

Изложенное позволяет заключить следующее.

Все источники семейного права необходимо разделить на 2 группы по наличию либо отсутствию нормативности: 1) семейное законодательство, причастное к нему законодательство, исходя из существа семейных отношений; нормы нравственности, представленные и не представленные в законодательстве о семье; обычаи правовые и неправовые; общечеловеческие ценности и семейные ценности, включая традиции, религиозные нормы, действующие с названными регуляторами; соглашения и договоры, предусмотренные семейным законодательством, то есть источники нормативного свойства; 2) природные инстинкты; чувства; философско-нравственные категории; традиции конкретной семьи, то есть регуляторы, не обладающие свойствами нормативности, однако участвующие в упорядочивании семейных отношений.

Литература

1. Беспалов Ю.Ф. О правовом значении и ценности некоторых философско-нравственных категорий в семейных отношениях / Ю.Ф. Беспалов // Семейное и жилищное право. 2020. № 3. С. 33–35.
2. Брак, семья, закон / А.М. Нечаева; ответственный редактор В.А. Рясенцев. Москва: Наука, 1984. 145 с.
3. Гордеюк Е.В. Объекты брачных отношений по законодательству РФ и стран СНГ / Е.В. Гордеюк // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 11. С. 71–73.
4. Гордеюк Е.В. Правовой режим нематериальных благ как объектов брачных правоотношений / Е.В. Гордеюк // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 7. С. 166–169.
5. Камбарова К.У. Общечеловеческие ценности: понятие и сущность / К.У. Камбарова // Молодой ученый. 2016. № 11. С. 1810–1812.
6. Касаткина А.Ю. Социальные регуляторы семейных отношений в Российской Федерации: некоторые теоретические и практические аспекты / А.Ю. Касаткина // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». 2019. № 4 (60). С. 35–41.
7. Нечаева А.М. Семейное право: учебник для вузов / А.М. Нечаева. 8-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2020. 294 с.
8. Оганесян С.С. О понятии «общечеловеческие ценности» в современном мире / С.С. Оганесян // Ценности и смыслы. 2019. № 5 (63). С. 82–94.
9. Рабец А.М. Семейное право: курс лекций для студентов юридических вузов / А.М. Рабец. Белгород: Везелица, 1998. 192 с.
10. Рясенцев В.А. Семейное право: учебник / В.А. Рясенцев. Москва: Юридическая литература, 1971. 296 с.
11. Саенко Л.В. Социально-правовое регулирование семейных отношений: современное состояние, перспективы развития / Л.В. Саенко // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2013. № Т3. С. 1076–1080.
12. Семейные ценности // Олифириков Н.И. Психология семейных кризисов / Н.И. Олифириков, Т.А. Зинкевич-Куземкина, Т.Ф. Велента. Санкт-Петербург: Речь, 2006. С. 153.
13. Якушев П.А. Споры о детях: традиционные ценности и судебная практика: монография / П.А. Якушев. Москва: Проспект, 2018. 144 с.

Почему важен DOI и как это влияет на качество научной информации и ее последующее цитирование?

DOI значительно облегчает процедуры цитирования, поиска и локализации научной публикации.

DOI повышает авторитет журнала, он свидетельствует о технологическом качестве издания.

DOI является неотъемлемым атрибутом системы научной коммуникации за счет эффективного обеспечения процессов обмена научной информацией.

При цитировании статьи с DOI одним из журналов, входящих в Scopus, Web of Science или какую-либо другую престижную библиографическую базу, данные статьи и автора также заносятся в эти базы.

Все журналы, входящие в Scopus, Web of Science и Springer, в обязательном порядке присваивают своим статьям DOI.

Как ссылаться на статью с DOI?

Альханова Г.К. Построение «дома качества» для сливочного масла / Г.К. Альханова, Р.В. Залилов, Б.К. Асенова // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 7 (38). Ч. 1. № 7–1 (38). С. 6–10. DOI: 10.18454/IRJ.2015.0001

Как проверить DOI статьи?

DOI, присвоенный любой организацией, можно проверить непосредственно на сайте IDF DOI: <http://www.doi.org/>

Правовые проблемы защиты отцовства в современной России

Козлова Наталья Алексеевна,
юрист общества с ограниченной ответственностью «ПРОФИТ»
ntsh98@mail.ru

Трофимова Марина Сергеевна,
заведующая кафедрой гражданского права и процесса юридического факультета
Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого (НовГУ),
кандидат юридических наук, доцент
rina23@inbox.ru

Статья посвящена исследованию проблем, возникающих при реализации прав отца в семейных правоотношениях. Анализируются вопросы, связанные с установлением происхождения ребенка от конкретного лица мужского пола, выявляются возможные конфликтные ситуации и между биологическим и юридическим отцами, а также сложности при установлении отцовства в случае использования процедуры суррогатного материнства. Работа также содержит анализ актуальной судебной практики, связанной с определением места жительства ребенка. Подчеркивается, что в настоящее время роль отца в семье меняет свое содержание, мужчина переходит в статус родителя, все чаще занимая лидирующие позиции по воспитанию ребенка, оставляя матери вопросы финансового обеспечения нужд семьи. С учетом изменения сложившихся стереотипов о роли мужчины и женщины в семье, вовлечения в судебную систему молодых, не связанных с традиционными советскими представлениями о роли родителей судей-мужчин, авторы отмечают существенное изменение сложившейся судебной практики по таким делам. В статье также уделяется внимание проблеме правовой неграмотности мужчин-отцов в сфере правовых и социальных гарантий, которые предоставляются им действующим законодательством, предлагаются меры по ее разрешению.

Ключевые слова: отцы, отцовство, права отцов, равенство родителей, суррогатное материнство, место жительства ребенка.

Legal Issues of Protection of Paternity in the Modern Russia

Kozlova Natalya A.
Lawyer at PROFIT Limited Liability Company

Trofimova Marina S.
Head of the Department of Civil Law and Procedure of the Law Faculty
of the Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (NovSU)
PhD (Law), Associate Professor

The article is devoted to the study of problems arising in the implementation of the rights of the father in family legal relations. Issues related to establishing the origin of a child from a specific male person are analyzed, possible conflict situations between biological and legal fathers, as well as difficulties in establishing paternity in the case of using surrogacy, are identified. The work also contains an analysis of current judicial practice related to the determination of a child's place of residence. It is emphasized that at present the role of the father in the family is changing its content, the man is moving into the status of a parent, more and more often occupying a leading position in the upbringing of a child, leaving the mother with the financial support of the family's needs. Taking into account the change in the prevailing stereotypes about the role of men and women in the family, the involvement in the judicial system of young people who are not bound by the traditional Soviet ideas about the role of parents of male judges, the authors note a significant change in the established judicial practice in such cases. The article also pays attention to the problem of legal illiteracy of male fathers in the field of legal and social guarantees that are provided to them by the current legislation, and offers measures to resolve them.

Keywords: fathers, paternity, fathers' rights, parental equality, surrogacy, child's place of residence.

Поддержка семьи, материнства, отцовства и детства является одним из приоритетных направлений социальной

политики Российской Федерации. Это положение содержится как в основном акте государства – Конституции РФ

(ст. 7), так и в Семейном кодексе РФ (ст. 1)^{1,2}. И несмотря на то, что в нашей стране действует весьма широкий спектр социальных программ разного уровня, большинство нацелено на улучшение благополучия матери и ребенка и разрешение материнских социальных и правовых проблем³. Социальный статус и правовые гарантии отца зачастую не конкретизируются или вовсе игнорируются. Роль отца в правоотношениях часто обезличена. Даже в основном нормативном акте, регулирующем семейные правоотношения, – Семейном кодексе РФ институту отцовства уделяется весьма небольшая часть его содержания, связанная с разрешением лишь некоторых семейных проблем⁴.

В связи с существующими пробелами в правовом регулировании института отцовства, при реализации семейных правоотношений могут быть допущены нарушения прав отцов. Такие нарушения логично разделить на две группы:

– первые (или внутренние) – затрагивают взаимоотношения между супругами. К ним можно отнести правовые трудности в реализации прав отцов на определение места жительства ребенка и порядка общения с ним, определение размера и порядка уплаты алиментов, установление или оспаривание отцовства.

– вторые (или внешние) – заключаются в менее заметной правовой роли отцов по сравнению с матерью ребенка в правоотношениях по установлению прав третьих лиц на общение с ребенком, установлению опеки над ним.

Такое разграничение необходимо, для того чтобы проанализировать возможные механизмы защиты прав отцов, наиболее актуальные для восстановления баланса интересов родителей в современных условиях.

В России не устоялось единого определения понятия «отцовство». Мнения ученых приводят к выводу, что его можно трактовать в узком и широком смыслах. В первом случае это лишь факт биологического происхождения ребенка от конкретного мужчины. Во втором – комплекс прав и обязанностей мужчины-отца, возникающий в связи с биологическим или юридическим родством его и ребенка⁵.

Наиболее полное и одновременно лаконичное, по мнению авторов, определение предложено П.А. Деревянко, в соответствии с ним под институтом отцовства понимается собрание правовых норм, отображающих имеющиеся и приобретенные права, обязанности и ответственность мужчин-отцов, связанные с заботой о детях, сопряженные с защитой таковых различными органами⁶.

Рассмотрим подробнее самые распространенные ситуации, имеющие неоднозначное практическое разрешение, с которыми может столкнуться мужчина-отец в процессе реализации своих прав.

Первая группа вопросов связана с установлением происхождения ребенка от конкретного лица мужского пола. По действующему законодательству правоотношения между родителями и их детьми устанавливаются по результатам государственной регистрации о рождении. И если вопросы об установлении материнства обычно не возникают в практической сфере, то с отцами – ситуация обратная⁷. Порядок установления отцовства зависит от того, состоит мужчина в браке с матерью ребенка или нет. В первом случае действует так называемая презумпция отцовства. Во втором – необходимо совместное заявление обоих родителей. При отсутствии такового мать наделяется правовым статусом родителя, а отец – нет^{8,9}. Для разрешения конфликтных ситуаций по вопросу о происхождении ребенка потенциальный или действительный отец может использовать исключительно судебный порядок, который связан с необходимостью использования экспертных познаний.

В практике часто возникают конфликтные ситуации и между биологическим и юридическим отцами. Как уже отмечалось выше, для супруга матери ребенка действует презумпция отцовства. Однако он может и не являться биологическим родителем. Верховным Судом РФ (далее – ВС РФ) даны разъяснения, каким образом следует разрешать подобные конфликты. В частности, ВС РФ указывает: если биологический отец обратится в суд с иском об установлении своего отцовства, а юридический – возражает против него (иска), то решение будет приниматься с учетом мнения ребенка, его привязанностей и семейных связей¹⁰. Как верно указала О. Токарева, нет четкого плана действий в этой ситуации; неизвестно, кому отдаст предпочтение суд; не урегулирован статус юридического отца, который хотя и не является биологическим отцом, но находится в крепкой семейной связи с ребенком, оказывает положительное воздействие на него, проявляет должное внимание и уважение. Поэтому не должно ставиться в приоритет ни биологическое, ни юридическое отцовство¹¹.

Сложности при установлении отцовства возникают, если родители (или мать) прибегли к процедуре суррогатного материнства. Если мужчина является донором, к примеру не анонимным, то единственное его участие заключается в сдаче необходимого для этих целей материала. Для того чтобы избежать правовой неопределенности в родительском статусе в случае использования суррогатного материнства, некоторые авторы считают целесообразным предоставить право ребенку получать информацию о таком лице либо по достижении восемнадцатилетнего возраста, либо с согласия матери до этого момента. Предлагается

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993). URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 05.04.2021).

² Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 06.02.2020). URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.03.2021).

³ Гераскина А.А., Сюбаев Р.Р. Институт отцовства в современной России // Академическая публицистика. 2019. № 5. С. 342–344.

⁴ Там же.

⁵ Петрова Е.В. Сущность и особенности правовой природы понятия отцовства // Инновации. Наука. Образование. 2020. № 13. С. 376–383.

⁶ Привод. по: Петрова Е.В. Сущность и особенности правовой природы понятия отцовства.

⁷ Краснова Т.В., Алексеева Е.В. Отцы и дети: проблемы приобретения родительских прав мужчинами (на примере законодательства России) // Вестник Пермского университета. Серия: Юридические науки. 2016. № 4. С. 426–439.

⁸ Там же.

⁹ Петрова Е.В. Сущность и особенности правовой природы понятия отцовства // Инновации. Наука. Образование. 2020. № 13. С. 376–383.

¹⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 мая 2017 г. № 16 (ред. от 26.12.2017) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 05.04.2021).

¹¹ Привод. по: Дмитриева А. Проблемы правоприменительной практики при рассмотрении семейных споров: нарушение интересов родителей и детей. URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 05.04.2021).

также закрепить право донора получать сведения о своем потомстве¹².

Еще одним частным, но не менее принципиальным вопросом при анализе баланса прав будущих матери и отца, использующих процедуры искусственного оплодотворения, является неурегулированный порядок определения судьбы биологического материала. По результатам успешного оплодотворения нескольких клеток, которое осуществляется вне тела женщины, возникает вопрос: скольких из них поместят в организм женщины? По сложившейся медицинской практике, оставшиеся либо замораживаются, либо уничтожаются. Роль мужчины при решении данного вопроса на данный момент в правовом поле вообще не урегулирована¹³. Вызвавшие широкий общественный резонанс положения приказа Министерства здравоохранения Российской Федерации от 31 июля 2020 г. № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению», вступившие в силу с 1 января 2021 г., также не затронули эти вопросы. Более того, с учетом информации о недобросовестном использовании мужчинами репродуктивных технологий, полученной Следственным комитетом РФ в рамках расследования уголовного дела о торговле детьми, положения упомянутого приказа и вовсе запретили одиноким мужчинам пользоваться программой суррогатного материнства. Тем самым еще более усугубились противоречия между положениями ст. 19 Конституции Российской Федерации о равных правах для мужчин и женщин и федеральным законодательством.

Авторы настоящей работы призывают не относиться однозначно к необходимости предоставления прав мужчинам в описанной ситуации. Очевидно, что совсем отстранять мужчину от решения судьбы оплодотворенных клеток несправедливо. С другой стороны, нельзя не брать во внимание существование недобросовестных мужчин-отцов, с уходом которых весь груз ответственности по воспитанию, содержанию ложится на мать. Поэтому видится целесообразным предоставить мужчинам некие права для выражения своей позиции по такому вопросу (к примеру, в содержании соглашения с женщиной), но решающую роль оставить за женщиной — будущей мамой.

Следует согласиться с мнением судьи Конституционного Суда РФ С.Д. Князева, согласно которому «законодательное» равнодушие к интересам доноров, отдача исключительного права на надделение правовым статусом родителя суррогатной матери нарушает баланс прав и интересов лиц, предоставивших свой генетический материал¹⁴.

Вторая группа правовых проблем, вносящая дисбаланс в содержание принципа равенства матери и отца в семейных правоотношениях, связана с определением места жительства ребенка. По сложившейся еще в советское время правовой традиции, с учетом образа жизни советского населения, отношения к институту брака, к разводам, суды долгое время отдавали предпочтение матери. Сегодня практика уже не столь однозначна. Отцы стали активнее

заявлять о наличии равных с женщинами материальных и финансовых возможностей по воспитанию ребенка. Судьи чаще стали выносить решения в пользу мужчин. Решающим фактором в трансформации сложившейся судебной практики стало изменение образа жизни российской семьи и отношения к родительской роли мужчины и женщины. Модель «мужчины-добытчика» и «женщины-домохозяйки» уже не столь актуальна. «Омолаживается» и судейский состав: среди представителей профессии все больше молодых мужчин, имеющих менее традиционные взгляды на роль родителей в семье.

Но даже при равном положении родителей достаток и благонадежность не всегда играют определяющую роль. Чаша весов может склониться как в одну, так и в другую сторону. Так, Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда РФ рассматривалось следующее дело. Суд первой инстанции определил место жительства ребенка с матерью. Не согласный с этим отец подал апелляционную жалобу, которая была удовлетворена по следующим основаниям: его материальное состояние значительно лучше, чем у матери ребенка, — он индивидуальный предприниматель, проживает в собственном комфортабельном жилье, имеет гибкий график, позволяющий уделять внимание ребенку. Мать же проживает «где-то в городе», работает посменно, в ее отсутствие за ребенком присматривают «чужие» люди. Судебная коллегия не согласилась с таким решением и, отправляя дело на пересмотр, обратила внимание нижестоящих судов на тот факт, что достаток сторон не может ставиться в приоритет, необходимо среди прочего учитывать мнение ребенка, его действительную привязанность к матери или отцу, характеристику обоих родителей, их влияние на ребенка¹⁵.

Очевидно, что в настоящее время роль отца в семье меняет свое содержание. Из только мужчины — содержателя семьи он переходит в статус «родителя», все чаще занимающего лидирующие позиции в семье по воспитанию ребенка, оставляя матери поле профессиональной деятельности.

Согласно Всероссийской переписи населения, на долю мужчин приходится 68 115 300 человек. Росстат также отметил, что удельный вес из них ставит в приоритет для себя свою семью, ее благополучие, детей и благонадежность жилья. Названы города и регионы России, в которых больше всего отцов-одиночек. Среди них: Москва, Санкт-Петербург, Татарстан, Краснодарский край, Свердловская, Нижегородская области¹⁶.

И несмотря на то что в судебной практике по-прежнему удельный вес судебных решений в пользу матери значительно больше, нельзя не отметить положительную тенденцию в более частом определении места жительства ребенка с отцом.

Приведем примеры из судебной практики. В первом случае отцу отдано предпочтение в связи с тем, что им соз-

¹² Краснова Т.В., Алексеева Е.В. Указ. соч.

¹³ Там же.

¹⁴ Привод. по: Кузнецова О.В. Защита прав отцов по семейному законодательству // Вестник ЧелГУ. 2015. № 17. С. 89–94.

¹⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» (с изм. и доп.). URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 05.04.2021); Обзоры материалов СМИ. Ребенок по расчету. Верховный суд разъяснил, как решать, с кем жить детям. URL: <https://www.vsr.ru/> (дата обращения: 05.04.2021).

¹⁶ Всероссийская перепись населения. Статистика по-мужски. URL: <https://www.strana2020.ru/> (дата обращения: 05.04.2021).

даны благоприятные условия для роста и развития своих детей, занята активная позиция в дошкольных и школьных учреждениях; суд также выявил мнения детей, согласно которым между ними и отцом установилась более крепкая семейная связь, чем с матерью, которая в заседание суда не явилась и место жительства которой не известно¹⁷. Во втором – отцом был подан встречный иск, который и удовлетворил суд по следующим основаниям: мать характеризуется неблагонадежным образом, состоит на учете как представляющая угрозу для себя и окружающих, постоянно наблюдается у нарколога и психиатра, помимо прочего, неоднократно привлекалась к административной ответственности, проживает в ненадежном жилье с плохим отоплением и нестабильными электросетями, не работает. Отец же, напротив, характеризуется исключительно положительно¹⁸.

Примечательно высказывание Е.Б. Мизулиной, которая делает упор на отсутствие дискриминирующего фактора в отношении отцов. Профессор считает, что даже в случаях вынесения судами решения в пользу матери, это не означает, что они отдают им свое предпочтение, а происходит это из-за нерадивости отцов, которым чаще всего безразлична судьба их детей¹⁹.

Стоит отметить, что в настоящее время достаточно много доступных ресурсов, содержащих материалы по правовому просвещению отцов, позволяющих активизировать их деятельность по защите своих отцовских прав. Создаются и различные сообщества для отцов, отцов-одиночек (например, организация «Отцы и дети» (создана в 1990 г.), Межрегиональный отцовский комитет (создан в 2010 г., г. Белгород), Союз отцов (создан в 2016 г., г. Москва) и др.). Задачей таких объединений является предоставление морально-психологической, консультативной помощи отцам-одиночкам²⁰. Это, несомненно, благоприятствует положительной тенденции вынесения решений в пользу отцов, появлению у них уверенности и стремления участвовать в подобных судебных спорах.

В качестве дополнительных форм поддержки таковых целесообразно создавать информационные порталы с тематическими материалами, предоставляющие возможность быстро находить необходимую информацию, рекомендации специалистов, а также отцов-одиночек с большим опытом в воспитании и развитии ребенка, осуществлять их правовое просвещение в сфере социальных, трудовых гарантий²¹.

Тем не менее в большинстве проанализированных автором судебных решений причинами отцовского воспитания являются неблагонадежность матери, ее антиобщественное поведение²². В случае примерного экономического и психологического равенства родителей суд, как

правило, встает на сторону матери. Более того, в ситуации, когда мать своим поведением показывает отсутствие стремления к реализации материнских обязанностей, при появлении у нее желания исправить ситуацию суды отдают ей предпочтение, даже если отец добросовестно исполнял свои родительские функции. Так, суд принял решение об определении места жительства дочери с матерью, несмотря на то, что до шести лет она не принимала постоянного участия в ее жизни, проживала и работала в Китае. Отец же занимался полным воспитанием и содержанием ребенка, все свободное время уделял только ее развитию²³.

На преодоление подобной практики уйдут десятилетия ломки сформированных в обществе семейных стереотипов.

Почему же при провозглашенном законодательном равенстве прав матери и отца, при их реализации на практике или в случае возникновения судебного спора последние остаются в «минусе»? Как представляется авторам работы, законодатель при определении содержания правового регулирования этой сферы учитывает не только базовые принципы семейного права, но и психологические, поведенческие и генетические особенности матери и отца. К сожалению, не всегда желание отца забрать себе детей равно желанию их действительно воспитывать. Иногда это месть, досада, желание сделать хуже бывшей супруге²⁴. За всем этим игнорируются потребности самих детей. Помимо прочего, если отец в период брака равнодушно относился к ребенку, его развитию, а мать, напротив, обеспечивала весь детский быт (сад/школа/секции/прогулки/игры и т.д.), то зачем он ему после развода? Что изменится? Скорее всего, случится так, что ребенок будет заброшен, предоставлен сам себе и важный виток в его развитии будет упущен. Поэтому в таких делах решения судов понятны и вопросов не вызывают.

Несмотря на перечисленные пробелы в семейном законодательстве, намечается и положительная тенденция в достижении правового баланса статуса матери и отца в других отраслях российского права. Роль отца меняется, постепенно набирает авторитет. Примером этому являются отдельные нормы Трудового кодекса РФ (далее – ТК РФ), нацеленные на поддержку как матери, так и отца (ч. 2 ст. 93, 256, 259, 262 ТК РФ и др.). Нормы регионального законодательства также стали учитывать потребности обоих родителей (например, в законах Воронежской области, Республики Адыгея и других субъектов «Об охране семьи, материнства, отцовства и детства» закреплено понятие «отец», регламентируются права отцов-одиночек). Эти и другие комплексные меры, пусть не скоро, но позволят в итоге обеспечить баланс статуса матери и отца в родительских правоотношениях.

Тем не менее, равенство и взаимоуважение супругов-родителей при разрешении семейных проблем, вопросов воспитания и развития ребенка – несомненный идеал, к которому должен стремиться не только законодатель при формулировании конкретных механизмов защиты родительских прав. На этих принципах прежде всего должны воспитываться сами будущие родители.

²³ Брусков П. Матриархальная судебная практика. Как суды выносят решения в пользу женщин. URL: <https://pravoe.kb.ru/> (дата обращения: 05.04.2021).

²⁴ Носиков Д. С кем остаются несовершеннолетние дети при разводе родителей. URL: <http://law-divorce.ru/> (дата обращения: 05.04.2021).

¹⁷ Решение № 2-31/2020 2-31/2020 (2-808/2019); ~ М-946/2019 2-808/2019 М-946/2019 от 28 февраля 2020 г. по делу № 2-31/2020. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 05.04.2021).

¹⁸ Решение от 13 января 2020 г. № 2-2/2020 2-84/2019 по делу № 2-2/2020. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 05.04.2021).

¹⁹ Привод. по: Кузнецова О.В. Защита прав отцов по семейному законодательству // Вестник ЧелГУ. 2015. № 17. С. 89–94.

²⁰ Торосян Р.А. Равенство полов в сфере семейных правоотношений // Известия Саратовского университета. Новая серия: Экономика, управление, право. 2018. № 3. С. 349–356.

²¹ Очеретко Е.А. Перспективы совершенствования института отцовства в России // Инновационная наука. 2020. № 8. С. 47–49.

²² Кузнецова О.В. Защита прав отцов по семейному законодательству // Вестник ЧелГУ. 2015. № 17. С. 89–94.

Литература

1. Брусков П. Матриархальная судебная практика. Как суды выносят решения в пользу женщин / П. Брусков // PravoEKTb. URL: <https://pravoektb.ru/stati/matriarkhalnaya-sudebnaya-praktika-kak-sudy-vynosyat-resheniya-v-polzu-zhenshchin/> (дата обращения: 05.04.2021).
2. Гераскина А.А. Институт отцовства в современной России / А.А. Гераскина, Р.Р. Сюбаев // Академическая публицистика. 2019. № 5. С. 342–344.
3. Дмитриева А. Проблемы правоприменительной практики при рассмотрении семейных споров: нарушение интересов родителей и детей / А. Дмитриева // Гарант.Ру. 2019. 14 января.
4. Краснова Т.В. Отцы и дети: проблемы приобретения родительских прав мужчинами (на примере законодательства России) / Т.В. Краснова, Е.В. Алексеева // Вестник Пермского университета. Серия: Юридические науки. 2016. № 4. С. 426–439.
5. Кузнецова О.В. Защита прав отцов по семейному законодательству / О.В. Кузнецова // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2015. № 17 (372). С. 89–94.
6. Носиков Д. С кем остаются несовершеннолетние дети при разводе родителей / Д. Носиков. URL: <http://law-divorce.ru/razdelenie-detej-pri-razvode/> (дата обращения: 05.04.2021).
7. Очеретько Е.А. Перспективы совершенствования института отцовства в России / Е.А. Очеретько // Инновационная наука. 2020. № 8. С. 47–49.
8. Петрова Е.В. Сущность и особенности правовой природы понятия отцовства / Е.В. Петрова // Инновации. Наука. Образование. 2020. № 13. С. 376–383.
9. Торосян Р.А. Равенство полов в сфере семейных правоотношений / Р.А. Торосян // Известия Саратовского университета. Новая серия: Экономика, управление, право. 2018. № 3. С. 349–356.

DOI: 10.18572/1999-477X-2021-3-10-13

Суррогатное материнство: проблемы правового регулирования

Корнакова Светлана Викторовна,
доцент кафедры правового обеспечения национальной безопасности
Байкальского государственного университета (БГУ)
Svetlana-kornakova@yandex.ru

Полетаева Екатерина Леонидовна,
доцент кафедры гражданского права
Байкальского государственного университета (БГУ)
katrinko@mail.ru

Чигрина Елена Владимировна,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Байкальского государственного университета (БГУ)
chigrinaev@bgu.ru

В статье рассматриваются некоторые проблемы правового регулирования в российском законодательстве суррогатного материнства. Анализируются правовая природа такого договора, его субъектный состав. Обращается внимание на недостатки его законодательного определения. Отмечаются некоторые трудности практической реализации договора на суррогатное материнство, обусловленные правовой незащищенностью как суррогатной матери, так и потенциальных родителей. Делается вывод о необходимости легального закрепления рассматриваемого договора, его более подробной нормативной регламентации.

Ключевые слова: гражданско-правовой договор, гражданское судопроизводство, суррогатное материнство, договор на суррогатное материнство.

Surrogacy: Legal Regulation Issues

Kornakova Svetlana V.
Associate Professor of the Department of Legal Regulation
of National Security of the Baikal State University

Poletaeva Ekaterina L.
Associate Professor of the Department of Civil Law of the Baikal State University

Chigrina Elena V.
Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines
of the Baikal State University

The article deals with some problems of legal regulation in the Russian legislation of surrogacy. The legal nature of such a contract and its subject composition are analyzed. Attention is drawn to the shortcomings of its legislative definition. There are some difficulties in

the practical implementation of the contract for surrogacy, due to the legal insecurity of both the surrogate mother and potential parents. The conclusion is made about the need for legal consolidation of the contract under consideration, its more detailed regulatory regulation.

Keywords: civil contract, civil proceedings, surrogate motherhood, contract for surrogate motherhood.

Актуальность обращения к проблемам, возникающим при реализации договора суррогатного материнства, не вызывает сомнения. В мире достаточно много женщин, которые по физиологическим особенностям либо по медицинским показаниям не способны самостоятельно выносить ребенка, а само суррогатное материнство, ставшее доступным при современном уровне развития медицины, и учитывая наличие большого количества бездетных пар, является широко обсуждаемой темой¹. Более того, сегодня большое распространение приобрели ситуации, когда один родитель, желая завести ребенка, прибегает к услугам суррогатной матери.

Само понятие «суррогат» означает эрзац, поставленный взамен, обладающий лишь некоторыми свойствами заменяемого². Отсюда следует, что суррогатная мать – это временно (на период беременности и родов) заменяющая будущую мать женщина в случае рождения у нее ребенка.

Суррогатное материнство известно с древних времен. Упоминание о нем имеется уже в Библии, а в период Шумерского царства (IV–III тыс. до н.э.) практика традиционного суррогатного материнства, происходившего естественным путем, являлась распространенной. Более того, по законам того времени предписывалось уважительное отношение к наемной матери, которой причиталось вознаграждение или особое положение. В Древнем Риме традиционное суррогатное материнство считалось «средством здравого смысла при бездетности», а в эпоху Средневековья для его применения в Китае, Корее, Японии не являлись преградой ни культурные, ни религиозные различия³.

В 40-х годах XX века предпринимались попытки использовать для вынашивания ребенка другую женщину в Гарвардском университете. Именно тогда было положено начало научным исследованиям, и к 80-м гг. XX в. процедура суррогатного материнства стала в США широко применяемой.

В России первые результаты применения экстракорпорального оплодотворения (ЭКО) датируются 1986–1987 гг., когда в Москве, а затем в Ленинграде родились зачатые в лаборатории девочка и мальчик. Первая успешная программа суррогатного материнства в 1995 г. была реализована в Харькове⁴.

Вместе с тем отношение к суррогатному материнству в международной практике неоднозначно, что проявляется либо в полном его запрете (например, Австрия, Норвегия, Швеция), либо в разрешении (например, Россия, Украина, Казахстан), либо в разрешении суррогатного материнства исключительно на некоммерческой основе (например, Австралия, Израиль, Нидерланды).

Следует отметить, что российским законодательством практика, когда женщина одновременно является и суррогатной, и биологической матерью ребенка, запрещена.

¹ Свитич Л.Г. Тематика и проблематика публикаций на темы семьи (контент-аналитическое исследование конкурсных материалов) // Вопросы теории и практики журналистики. 2016. Т. 5. № 3. С. 43.

² Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 2007. С. 444.

³ Трифонова Н.С., Жукова Э.В., Ищенко А.И., Александров Л.С. Суррогатное материнство: исторический обзор // Российский вестник акушера-гинеколога. 2015. № 15 (2). С. 50–51.

⁴ Там же.

К суррогатному материнству, предполагающему использование в качестве суррогатной матери женщину, которая не приходится биологической матерью ребенка, относят и случаи, когда используют донорские клетки для оплодотворения и вынашивания ребенка. Поэтому в большинстве случаев суррогатная мать не является биологической, но и не всегда «родители» – это лица, в отношении которых заключается соглашение и которые являются биологическими родителями.

Правовые вопросы суррогатного материнства в России нельзя признать полностью урегулированными. Так, Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах здоровья граждан»⁵ дает определение суррогатного материнства, под которым понимается «вынашивание и рождение ребенка по договору, заключаемому между суррогатной матерью (женщиной, вынашивающей плод после переноса донорского эмбриона) и потенциальными родителями, чьи половые клетки использовались для оплодотворения, либо одинокой женщиной, для которых вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям».

Сразу следует отметить отсутствие в приведенном определении указания на возможность заключения договора на суррогатное материнство одиноким мужчиной, хотя такие случаи имеют место на практике. Следствием данного законодательного пробела нередко является отказ в государственной регистрации рождения ребенка, которой одиноким отцам приходится добиваться посредством судебного решения. Неправомерность подобного отказа судами на практике обосновывается тем, что «отсутствие правовых норм не может являться основанием для умаления и нарушения прав и законных интересов ребенка и его отца»⁶.

В статье 10 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ раскрываются требования, предъявляемые к суррогатной матери. Таковой может быть женщина в возрасте от 20 до 35 лет, имеющая не менее одного здорового собственного ребенка, получившая медицинское заключение об удовлетворительном состоянии здоровья, давшая письменное информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство. Женщина, состоящая в браке, зарегистрированном в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, может быть суррогатной матерью только с письменного согласия супруга. Суррогатная мать не может быть одновременно донором яйцеклетки⁷.

Максимально развернутые требования, предъявляемые к кандидаткам на суррогатное материнство, содержатся в приказе Минздрава России от 31 июля 2020 г. № 803н⁸.

⁵ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021) : Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 22.12.2020) // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

⁶ Решение Дзержинского районного суда (г. Санкт-Петербург) от 8 апреля 2020 г. № 2-980/2020 2-980/2020-М-740/2020 М-740/2020 по делу № 2-980/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/8LeGc3YT3lZV/> (дата обращения: 26.03.2021).

⁷ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021) : Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 22.12.2020) // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

⁸ О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению (зарегистрировано

Этим же актом утвержден стандарт специализированной медицинской помощи при бесплодии, одним из методов терапии которого, согласно приказу Минздрава России от 26 февраля 2003 г. № 67⁹, и является суррогатное материнство.

Таким образом, договор на суррогатное материнство — это договор о согласии на применение вспомогательной репродуктивной технологии, заключаемый между генетическими родителями (донорами половых клеток), с одной стороны, и женщиной, согласившейся не только выносить, родить, но и добровольно передать им все права на родившегося младенца, — с другой.

Существуют различные точки зрения ученых на правовую природу договора. Так, «предметом договора является оказание специфических услуг женщиной, согласившейся выносить и родить ребенка биологических родителей, — суррогатной матерью и ее согласие на регистрацию ребенка биологическими родителями»¹⁰, а не ребенок, рожденный по программе суррогатного материнства. Поэтому «договор о суррогатном материнстве — это договор возмездного оказания услуг, в котором предусмотрена обязанность исполнителя (суррогатной матери) оказать по заданию заказчиков определенные услуги (вынашивание и рождение ребенка), а обязанность генетических родителей — оплатить эти услуги»¹¹.

Договор на суррогатное материнство имеет общие элементы и с договором подряда, поскольку предметом является действие по вынашиванию и рождению ребенка с целью его передачи потенциальным родителям. Большинство же исследователей придерживаются позиции, согласно которой договор суррогатного материнства относится к числу прямо не поименованных в Гражданском кодексе РФ (далее — ГК РФ) смешанных гражданско-правовых договоров — гражданско-правовых сделок, в которых содержатся элементы различных предусмотренных законом или иными правовыми актами договоров.

Безусловно, по аналогии с положениями о договоре оказания услуг или договора подряда, рассматриваемый договор вполне вписывается в законодательные рамки. Тем не менее полагаем, что чисто договором возмездного оказания услуг такой договор быть не может, поскольку возмездное оказание услуг — один из немногих договоров, который позволяет сторонам в любое время отказаться от его условий, без объяснения причин, типа «сегодня хочу, завтра не хочу», что противоречит природе рассматриваемого договора. То же можно сказать и о договоре подряда, поскольку последний предусматривает гарантию качества результата работ, что в отношении к суррогатному материнству в корне не соответствует моральным устоям общества.

Таким образом, предмет договора о суррогатном материнстве не имеет прямого закрепления ни в ГК РФ, ни в СК РФ.

в Минюсте России 19.10.2020 № 60457) : Приказ Минздрава России от 31 июля 2020 г. № 803н // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

⁹ О применении вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) в терапии женского и мужского бесплодия (зарегистрировано в Минюсте РФ 24.04.2003 № 4452) : Приказ Минздрава РФ от 26 февраля 2003 г. № 67 // Российская газета. 2003. 6 мая (документ утратил силу).

¹⁰ Пестрикова А.А. Обязательства суррогатного материнства : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2007. С. 18.

¹¹ Митрякова Е.С. Правовое регулирование суррогатного материнства в России : дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2006. С. 63.

Вместе с тем, если отнести такой договор только к семейному законодательству, тогда, во-первых, невозможна будет свобода договора, которая является основополагающим принципом гражданского права¹². И во-вторых, отношения между биологическими родителями и суррогатной матерью многогранны и сложны и семейное законодательство не сможет в полной мере урегулировать содержание такого договора.

В обществе неоднозначно относятся к суррогатному материнству, что обусловлено проблемами морально-этического характера. Действительно, трудно однозначно оценить такие процедуры, поскольку в их процессе в товар превращается живой человек, а его появление на свет из особенного события превращается в услугу. При любой попытке оценки такой услуги обесценивается человеческая жизнь как что-то изначально особенное. Слишком уж тонкая грань и слишком широкое поле для манипуляций, поэтому неизбежно возникают вопросы о том, кто будет отвечать, если заказчики останутся недовольными, если откажутся от ребенка? Какая судьба ждет этого человека, которого сначала хотели, а потом передумали?

Кроме этого, различие в определении субъектного состава договора на суррогатное материнство зависит от источника генетического материала. Такими источниками могут быть:

1. Генетический материал супругов — полное суррогатное материнство.
2. Генетический материал супруги (или одинокой женщины) и донора — частичное.
3. Генетический материал супруга (или одинокого мужчины) и донора — частичное.
4. Генетический материал доноров, когда ни один из родителей не может предоставить свой генетический материал.

В первых трех случаях ребенок генетически является ребенком супругов, в последнем — родители, заключающие договор, не будут биологическими. При этом если в первом случае сторонами договора могут являться только суррогатная мать и потенциальные родители (либо один из них), то в остальных — обязательной стороной будет медицинская организация, предоставившая генетический материал.

Таким образом, многообразие видов суррогатного материнства затрудняет выработать единый вид договора, который бы в полном объеме регулировал отношения, возникающие из суррогатного материнства.

Можно предложить варианты договоров между суррогатной матерью и родителями (являющимися или не являющимися биологическими) либо между тремя субъектами с участием медицинской организации — многосторонний договор. В последнем случае третья сторона (медицинская организация) может служить своего рода посредником. Благодаря этому суррогатная мать не будет иметь контакта с родителями (не зная их и не общаясь с ними), что исключит возможность злоупотреблений с ее стороны (шантаж, раскрытие тайны материнства и т.д.).

Отметим также, что, как правило, доноры генетического материала могут и не знать, кто воспользовался банком материалов, чьи клетки использовались и кто вынашивал

¹² Волос А.А. Принципы гражданского права и их аксиология // Известия Байкальского государственного университета. 2017. Т. 27. № 2. С. 243.

ребенка. В таких ситуациях большая роль отводится медицинским организациям, которые берут на себя организацию всего процесса, который и должен быть отражен в договоре о суррогатном материнстве.

Еще одна проблема видится в следующем. Когда используется генетический материал обоих родителей либо одного из них, то возложить на них обязанность по уплате алиментов в случае отказа от ребенка достаточно легко, путем проведения генетической экспертизы и предоставления соответствующего договора. Когда же использован генетический материал не родителей, в случае отказа потенциальных родителей забрать «своего» ребенка, привлечь их к ответственности, возложить обязанность по уплате алиментов крайне затруднительно.

В связи с этим представляется необходимым в договорах на суррогатное материнство закрепление в обязательном порядке положений об ответственности за отказ заказчика – (потенциальных родителей) от исполнения обязанности забрать ребенка. Можно предусмотреть и материальную ответственность сторон в случае отказа как забрать ребенка, так и отдать его.

Возможен вариант признания заказчиков родителями либо в договоре изначально указывать их родителями. Но российское законодательство признает родителями лишь лиц, указанных в соответствующих документах, в свидетельстве о рождении. Существующий порядок предполагает, что женщина, родившая ребенка, считается биологической матерью, хотя в рассматриваемых ситуациях таковой, по сути, не является. Для регистрации таких детей установлен порядок, в соответствии с которым родители предоставляют в органы ЗАГС справку из медицинской организации и согласие суррогатной матери на оформление ими ребенка. Не проще ли предоставить договор о суррогатном материнстве, который и мог бы служить основанием для государственной регистрации рождения детей при использовании процедуры суррогатного материнства? Такая возможность позволила бы упростить процедуру оформления прав на детей, а также обязанностей родителей, в интересах которых этот договор заключался.

Решение вопроса о том, кому будут принадлежать родительские права, а значит, и судьбе ребенка полностью зависит от позиции суррогатной матери. Часть 2 п. 4 ст. 51 СК РФ предусматривает, что «лица, состоящие в браке между собой и давшие свое согласие в письменной форме на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, могут быть записаны родителями ребенка только с согласия женщины, родившей ребенка (суррогатной матери)». Следовательно,

закон сохраняет за суррогатной матерью право оставить рожденного ею ребенка у себя и быть зарегистрированной в органах ЗАГС в качестве его матери. Поэтому без согласия суррогатной матери, являющегося ее правом, генетические родители не смогут оформить своего ребенка. Вместе с тем, как следует из разъяснений Верховного Суда РФ, «судам следует иметь в виду, что в случае, если суррогатная мать отказалась дать согласие на запись родителями потенциальных родителей, данное обстоятельство не может служить безусловным основанием для отказа в удовлетворении иска этих лиц о признании их родителями ребенка и передаче им ребенка на воспитание. В целях правильного рассмотрения дела суду следует проверить, заключался ли договор о суррогатном материнстве и каковы условия этого договора, являются ли истцы генетическими родителями ребенка, по каким причинам суррогатная мать не дала согласия на запись истцов в качестве родителей ребенка, и с учетом установленных по делу обстоятельств, а также положений ст. 3 Конвенции о правах ребенка разрешить спор в интересах ребенка»¹³. В связи с этим считаем, что категоричная формулировка о приоритетности мнения суррогатной матери в ч. 2 п. 4 ст. 51 СК РФ должна быть изменена.

Кроме этого, учеными справедливо отмечается, что следствием отсутствия законодательного предписания о необходимости нотариального заверения договора о суррогатном материнстве в нашей стране является то, что он весьма уязвим для фальсификации¹⁴. Поэтому при отсутствии подробного регулирования отношений суррогатного материнства возможны ситуации, приводящие к судебным спорам относительно прав на ребенка, рожденного суррогатной матерью. Судебной практике известны случаи, обусловленные непониманием природы договора и его последствий: отказ суррогатной матери отдать ребенка, обусловленный не только материнским инстинктом; отказ генетических родителей забрать ребенка по причине не того пола ребенка или наличия у него патологий, наступления беременности в семье потенциальных родителей, распада семьи и др.

Естественно, учесть все многообразие возможных жизненных ситуаций закон не в состоянии, тем не менее специфичный предмет договора на суррогатное материнство должен быть легализован, как и риски и ответственность сторон.

¹³ О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 мая 2017 г. № 16 (ред. от 26.12.2017) // БВС РФ. 2017. № 7.

¹⁴ Ищенко Е.П., Кручинина Н.В. Преступления, совершаемые с использованием высоких технологий // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 5. С. 744.

Литература

1. Барашнев Ю.И. Новые технологии в репродуктивной и перинатальной медицине: потребность, эффективность, риск, этика и право / Ю.И. Барашнев // Российский вестник перинатологии и педиатрии. 2001. № 1. С. 6–11.
2. Волос А.А. Принципы гражданского права и их аксиология / А.А. Волос // Известия Байкальского государственного университета. 2017. Т. 27. № 2. С. 238–245.
3. Ищенко Е.П. Преступления, совершаемые с использованием высоких технологий / Е.П. Ищенко, Н.В. Кручинина // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 5. С. 740–746.
4. Митрякова Е.С. Правовое регулирование суррогатного материнства в России : диссертация кандидата юридических наук / Е.С. Митрякова. Тюмень, 2006. 175 с.
5. Пестрикова А.А. Обязательства суррогатного материнства России : диссертация кандидата юридических наук / А.А. Пестрикова. Самара, 2007. 202 с.
6. Свитич Л.Г. Тематика и проблематика публикаций на темы семьи (контент-аналитическое исследование конкурсных материалов) / Л.Г. Свитич // Вопросы теории и практики журналистики. 2016. Т. 5. № 3. С. 423–439.
7. Трифонова Н.С. Суррогатное материнство: исторический обзор / Н.С. Трифонова, Э.В. Жукова, А.И. Ищенко, Л.С. Александров // Российский вестник акушера-гинеколога. 2015. 15 (2). С. 49–55.
8. Философский энциклопедический словарь / составители и редакторы : Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблева, В.А. Лутченко. Москва : ИНФРА-М, 2007. 576 с.

«Права опеки» и «права доступа» в системе родительских прав

Курчинская-Грассо Наталия Олеговна,
юрист-международник
Международного адвокатского бюро Грассо (Италия – Россия)
natgrasso@libero.it

Статья посвящена анализу понятий «права опеки», «права доступа», «родительские права», «родительская ответственность» и их соотношению между собой. Основной акцент сделан на определении места прав опеки и прав доступа в системе родительских прав. На основании проведенного исследования предлагается внесение необходимых дополнений в российское семейное законодательство.

Ключевые слова: ребенок, родители, права опеки, права доступа, родительские права, отдельно проживающий родитель, право на общение, контакты с ребенком, место жительства ребенка, родительская ответственность.

Child Custody and Access Rights in the Parental Right System

Kurchinskaya-Grasso Natalia O.
International Lawyer at Grasso International Law Firm (Italy-Russia)

The article is devoted to the analysis of the concepts of 'custody rights', 'access rights', 'parental rights', 'parental responsibility' and the correlation between them. The main emphasis is placed on determining the place of custody and access rights in the system of parental rights. Based on the author's study, it is proposed to amend the current Family Legislation of the Russian Federation.

Keywords: child, parents, custody rights, access rights, parental rights, separated parent, child arrangements order, child contact order, child residence order, parental responsibility.

Общение родителя с ребенком не только взаимная потребность, но и «фундаментальный элемент семейной жизни»¹. Но существенное влияние на этот элемент могут оказать такие группы родительских прав, как «права опеки» и «права доступа». В нашей стране ситуация осложняется тем, что указанные права законодательно не регламентированы и, как следствие, практика их реализации и защиты существенно отличается от подобной практики других государств. И более того, в России не всегда возможно своевременное исполнение решений по защите этих прав, что наглядно продемонстрировано, к примеру, Европейским судом по правам человека (далее – ЕСПЧ) в Постановлении от 1 декабря 2020 г. по делу «Аминат Махмудова против России»². Рассмотрев ситуацию, ЕСПЧ пришел к выводу, что со стороны российских властей не были приняты адекватные и эффективные меры по исполнению решения Пятигорского городского суда Ставропольского края от 20 июля 2016 г. о возврате заведительнице ее двоих детей.

Такие понятия, как «права опеки» и «права доступа», используются в Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей (далее – Конвенция 1980 г.)³, к которой наша страна присоединилась в 2011 г. Однако в российских правовых источниках, подчеркнем это еще раз, до сих пор отсутствует их пояснение и, соответственно, не раскрывается соотношение с понятием «родительские права». А после того как с 2013 г. наша страна стала участвовать в Конвенции о юрисдикции, применимом праве, признании, исполнении и сотрудничестве в отношении родительской ответственности и мер по защите детей (далее – Конвенция 1996 г.)⁴, в международной практике стал использоваться еще один термин – «родительская ответственность». Н.В. Тригубович, раскрывая его сущность и исходя из контекста ст. 18 Конвенции ООН о правах ребенка 1989 г.⁵ (далее – Конвенция о правах ребенка), указывает, что он «охватывает весь комплекс прав (обязанностей)

¹ Постановление ЕСПЧ от 12 декабря 2017 г. по делу «Малинин (Malinin) против Российской Федерации» (жалоба № 70135/14) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2019. № 1.
² Case of Makhmudova v. Russia (Application no. 61984/17). URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:%5B%22001-179503%22%5D%7D> (дата обращения: 10.01.2021). На англ. яз.; перевод автора.

³ Конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей (г. Гаага, 25 октября 1980 г.) // Бюллетень международных договоров. 2013. № 1.

⁴ Конвенция о юрисдикции, применимом праве, признании, исполнении и сотрудничестве в отношении родительской ответственности и мер по защите детей (г. Гаага, 19 октября 1996 г.) // Бюллетень международных договоров. 2014. № 1.

⁵ Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.

родителей в сфере воспитания и развития ребенка»⁶. Но здесь надо провести параллель с российской терминологией, применяемой в отношении родителей; и прежде всего — выявить соотношение «родительской ответственности» с «родительскими правами». Следуя указанию п. 2 ст. 1 Конвенции 1996 г., можно заключить, что первое из указанных понятий по своему содержанию является более объемным и, соответственно, охватывает все права и обязанности родителей, поименованные в Семейном кодексе РФ (СК РФ).

Сложнее ситуация с использованием двух иных терминов — «права опеки» и «права доступа» родителей, так как в современном российском законодательстве по поводу их содержательного наполнения нет даже приблизительных ориентиров. К тому же трактовка этих понятий в нашей стране является неоднозначной, в том числе и со стороны судебных органов. Например, Верховный Суд РФ в своем Обзоре от 18 декабря 2019 г.⁷, посвященном практике применения Конвенции 1980 г., по поводу одного из рассмотренных дел указал: «...имелось вступившее в законную силу решение суда Швейцарии о лишении истца родительских прав (прав опеки) в отношении данного ребенка...». Такое разъяснение может привести к ошибочному выводу о том, что под правами опеки понимаются родительские права. Такая же ситуация наблюдается и в отношении прав доступа, которые также не получили юридического оформления.

Утверждение о том, что родители являются естественными опекунами своих детей, практически никем не оспаривается. Однако в СК РФ отечественный законодатель закрепил права и обязанности родителей в виде исчерпывающего перечня, не выделив (и даже не упомянув!) об их «правах опеки» и «правах доступа». Поэтому неизменно напрашиваются два вопроса:

- Какие права входят в вышеназванные группы прав?
- Входят ли права опеки и права доступа отца и/или матери ребенка в систему родительских прав?

При формировании ответа на первый вопрос пока остается только один путь поиска истины — анализ прав, поименованных в СК РФ. В рассуждениях авторов научных статей нередко возникает вопрос о перечне родительских прав, а именно о его открытости или закрытости. Не углубляясь в полемику, согласимся с верным мнением Е.Г. Комиссаровой и Т.В. Красновой о том, что в отношении личных прав родителей неимущественного характера можно говорить о возникновении и иных прав в результате расщепления «существующих или... ранее установленных субъективных прав»⁸. Опираясь на выводы этих авторов, из массива родительских прав попытаемся вычленим те,

которые являются первоосновой, как бы фундаментом для «прав опеки» и «прав доступа».

Права опеки над ребенком в первую очередь принадлежат его родителям, что проистекает из нормы абз. 3 п. 1 ст. 63 СК РФ. Но кроме прав на воспитание и на обучение детей, поименованных в этой норме, имеются и иные, отраженные в других статьях СК РФ, включая права, вытекающие из положений о правах ребенка (а они всегда приоритетны, в том числе и в публичных отношениях; например, при рассмотрении кассационной жалобы К-вой В.С., которой было запрещено въезжать на территорию России, где осталась проживать ее малолетняя дочь, Верховный Суд РФ 25 марта 2020 г. отменил апелляционное определение Московского областного суда в том числе ввиду того, что не были исследованы интересы ребенка)⁹. Базовыми для прав опеки, в частности, являются права на совместное проживание с ребенком (п. 2 ст. 54, п. 1 ст. 62 СК РФ), на защиту прав и законных интересов ребенка (п. 1 ст. 56, ст. 64 СК РФ), на определение места жительства ребенка при раздельном проживании отца и матери (п. 3 ст. 65 СК РФ). В Конвенции 1980 г. конкретизация сделана только в отношении последнего из перечисленных прав, а все остальные объединены и обозначены как «права, относящиеся к заботе о личности ребенка» (п. «а» ст. 5). Резюмируя сказанное, приходим к выводу, являющемуся прямым ответом на второй из вышепоставленных вопросов: права опеки родителей, безусловно, входят в систему родительских прав и требуют указания на это в Семейном кодексе РФ.

Права доступа (как и права опеки) пока представлены только в одном кодифицированном акте — в Гражданском процессуальном кодексе РФ (гл. 22.2). Но в этом кодексе рассматриваются лишь процессуальные аспекты защиты прав, а материально-правовое толкование отсутствует. Встречающиеся в доктрине попытки подразделить права родителей в зависимости от их совместного проживания с ребенком, полагаем, не вполне оправданны. Для примера приведем позицию А.А. Елисеевой, которая подразделяет права и обязанности родителей на общие, принадлежащие им обоим при совместном проживании, и индивидуальные, которые принадлежат отдельно проживающему родителю¹⁰.

Прежде чем выявлять содержание прав доступа, следует сделать оговорку: эти права могут возникать и существовать лишь в случае раздельного проживания родителей, и, соответственно, такими правами наделяется родитель (отец или мать), проживающий отдельно от ребенка. По этому поводу напрашивается вопрос, в отношении которого в отечественном праве отсутствует какое-либо пояснение: может ли отдельно проживающий родитель обладать одновременно и правами опеки, и правами доступа? Для того чтобы ответить на него, следует уяснить сущность термина «права доступа».

⁶ Тригубович Н.В. Родительская опека и ответственность: конвенционное толкование Гаагской конференции по международному частному праву и российское законодательство // Закон. 2018. № 6. С. 69–70.

⁷ Обзор практики рассмотрения судами дел о возвращении ребенка на основании Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 года (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18 декабря 2019 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 5.

⁸ Комиссарова Е.Г., Краснова Т.В. Право ребенка на семейное воспитание: регулятивный аспект // Вестник Пермского университета. Серия: Юридические науки. 2019. № 4. С. 682.

⁹ Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 25 марта 2020 г. № 4-КА20-5 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.01.2021).

¹⁰ Елисеева А.А. Осуществление родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка: материальные и процессуальные аспекты // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 1. С. 16.

При характеристике «прав доступа» в п. «b» ст. 5 Конвенции 1980 г. указывается только на право родителя временно переместить ребенка из места его постоянного проживания в иное место. Если же предпринять попытку очертить круг прав, входящих в содержание «прав доступа», то это в первую очередь будут права, производные от права этого родителя на общение со своим ребенком. Но при общении (непосредственно или с помощью дистанционных технологий, например через Интернет) отдельно проживающий родитель одновременно выполняет, в частности, и функции по воспитанию ребенка (тем более что норма п. 1 ст. 66 СК РФ помимо права на общение предполагает реализацию и иных прав). То есть будет неверным однозначно утверждать, что при раздельном проживании один из родителей обладает только правами опеки, а другой – только правами доступа. Также подчеркнем, что некоторыми специалистами предпринимаются попытки ввести новые понятия, связанные с опекой и доступом к ребенку. Так, описывая опыт применения совместной опеки родителей в США, М.В. Громоздина применительно к родителю, проживающему вместе с ребенком, использует трактовку «физическая опека», а в отношении доступа отдельно проживающего родителя к ребенку говорит о «праве» в единственном числе¹¹.

Думается, что нет необходимости в акцентировании внимания на физической опеке. Напротив, российскому законодателю надо заимствовать из зарубежной практики иное: подразделение опеки родителей над ребенком на единоличную (то есть индивидуальную – опеку только отца или матери; *sole custody*) и совместную (*joint custody*). Но одновременно в СК РФ следует четко указать, что речь идет лишь об определении места жительства ребенка в случаях, когда его отец и мать проживают не вместе.

Можно заключить в итоге, что в случае отдельного проживания родителя (безотносительно, кто это – отец или мать) данное обстоятельство не является бесспорным свидетельством отсутствия у него прав опеки в отношении сына или дочери. Кроме того, он обладает правами доступа к ребенку, которые по общему правилу могут быть установлены соглашением родителей либо решением суда. При реализации этих прав данный родитель может одновременно осуществлять и иные родительские права (право на защиту ребенка, право на воспитание и др.). Связь «прав опеки» и «прав доступа» отчетливо прослеживается и в актах Совета Европы. Так, в п. «с» ст. 1 Европейской конвенции о признании и исполнении решений в области опеки над детьми и восстановления опеки над детьми 1980 г. (ETS № 105) в отношении акта об опеке называется «любое решение органа власти», и оно должно включать «право определять его местожительство, а также право на общение с ним»¹².

¹¹ Громоздина М.В. Осуществление родительских прав при раздельном проживании родителей по законодательству Российской Федерации: монография // СПС «КонсультантПлюс». 2012. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 21.12.2020).

¹² Европейская конвенция о признании и исполнении решений в области опеки над детьми и восстановления опеки над детьми (ETS № 105) (г. Люксембург, 20 мая 1980 г.; с изм. от 15.05.2003). Конвенция на английском языке опубликована не была. Перевод на русский язык предоставлен Аппаратом Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 14.12.2020).

А как уже было отмечено ранее, для всей совокупности прав доступа исходным, базовым является именно право родителя на общение со своим ребенком. Российской практике известны и ситуации, когда по каким-либо причинам общение родителя с ребенком не осуществлялось, однако при этом судом выявляются и исследуются обстоятельства, вследствие которых невозможно общение. Так, при рассмотрении 27 февраля 2020 г. Шестым кассационным судом общей юрисдикции кассационной жалобы истца по делу о лишении ответчика (матери несовершеннолетнего) родительских прав было установлено, что она «общаться с ребенком не может в силу объективных причин». В итоге указанный суд констатировал, что в иске было отказано вполне обоснованно, а порядок общения матери с сыном установлен в соответствии с законом¹³.

В СК РФ используется и такой термин, как «контакты» с ребенком, но только применительно к ситуации, когда родитель ограничен в своих правах (ст. 75). Между тем этот термин согласно международным актам распространяется и на иные случаи (право ребенка «на прямые контакты» с обоими родителями; п. 3 ст. 9 Конвенции о правах ребенка и др.), но они не нашли своего отражения в отечественном праве. На недоработки российских источников указывает и ЕСПЧ; например, в п. 65 Постановления от 16 июля 2015 г. по делу «Назаренко (Nazarenko) против Российской Федерации» Суд отметил следующие негативные моменты: негибкость российского законодательства в вопросах общения с ребенком; включение в нормативные источники исчерпывающего перечня лиц, наделенных правом на контакты с ребенком; отсутствие в этом перечне учета того разнообразия семейных обстоятельств, которые могли бы повлиять на обеспечение «наилучших интересов ребенка»¹⁴. В целях преодоления (и в будущем – полного устранения) таких недоработок полагаем, что назрела необходимость четкого разграничения и нормативного закрепления терминологии, и прежде всего однозначного толкования тех терминов, которые связаны с защитой прав и интересов детей. Что касается понятия «контакт», то представляется, что ориентиром может явиться опыт сотрудничества европейских государств, в частности отраженный в положениях ст. 2, 4–5 и других Конвенции Совета Европы о контактах, связанных с детьми (ETS № 192) от 15 мая 2003 г.¹⁵. Из содержания этих статей вытекает главное: каждый из родителей вправе поддерживать регулярный контакт со своим ребенком, а при воспрепятствовании этому вправе добиваться контакта (в том числе трансграничного). При этом термин «контакт с ребенком» в данном контексте должен считаться синонимом понятия «общение

¹³ Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 27 февраля 2020 г. № 88-3718/2020 // СПС «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 24.12.2020).

¹⁴ Постановление ЕСПЧ от 16 июля 2015 г. по делу «Назаренко (Nazarenko) против Российской Федерации» (жалоба № 39438/13) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2016. № 2.

¹⁵ Конвенция о контактах, связанных с детьми (ETS № 192) (г. Страсбург, 15 мая 2003 г.). Конвенция на английском языке опубликована не была. Перевод на русский язык предоставлен Аппаратом Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 18.12.2020).

с ребенком», право на которое входит в содержание родительских прав и имеется у каждого родителя (конечно, исключая случаи, когда он лишен таких прав). В продолжение сказанного также напомним, что «права доступа» родителя прежде всего базируются на его праве на общение с ребенком.

До внесения соответствующих изменений в действующее законодательство и, соответственно, четкой регламентации прав опеки и прав доступа родителей остается только уповать на справедливость и компетентность судебных органов, а также на добросовестность отцов и матерей, так как в современных условиях, характеризующихся трансформацией представлений о семье и ее соци-

альной ценности, по верному утверждению Н.С. Нижник и Н.А. Бурдановой, родителям при осуществлении своих прав требуется проявление большей гибкости в целях обеспечения интересов своих детей¹⁶. Добавим к этому: а государству со своей стороны следует более полно и всесторонне регламентировать родительские права, и в особенности те группы прав, которые не детализированы в международных актах (в частности, права, связанные с опекой над несовершеннолетним и доступом к нему).

¹⁶ Нижник Н.С., Бурданова Н.А. Защита интересов ребенка: правовые аспекты осуществления родительских прав и обязанностей // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 3 (87). С. 90.

Литература

1. Громоздина М.В. Осуществление родительских прав при раздельном проживании родителей по законодательству Российской Федерации : монография / М.В. Громоздина. Новосибирск : СибУПК, 2011. 145 с.
2. Елисева А.А. Осуществление родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка: материальные и процессуальные аспекты / А.А. Елисева // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 1. С. 15–19.
3. Комиссарова Е.Г. Право ребенка на семейное воспитание: регулятивный аспект / Е.Г. Комиссарова, Т.В. Краснова // Вестник Пермского университета. Серия: Юридические науки. 2019. № 4. С. 672–697.
4. Нижник Н.С. Защита интересов ребенка: правовые аспекты осуществления родительских прав и обязанностей / Н.С. Нижник, Н.А. Бурданова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 3 (87). С. 80–91.
5. Тригубович Н.В. Родительская опека и ответственность: конвенционное толкование Гаагской конференции по международному частному праву и российское законодательство / Н.В. Тригубович // Закон. 2018. № 6. С. 69–78.

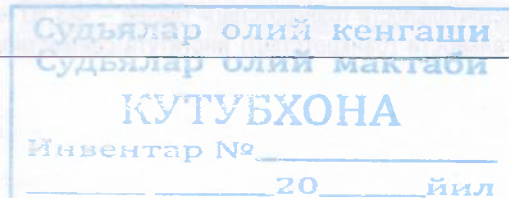
Редакционная политика Объединенной редакции «Издательская группа «Юрист»» запрещает:

1. Самоплагиат. В случае если элементы научной статьи ранее были опубликованы, в том числе и в журналах Издательской группы «Юрист», автор обязан сослаться на ранее опубликованную работу. Дословное копирование собственных работ и их перефразирование не допускается, они могут быть использованы только в качестве основы для новых выводов.

2. Дословное копирование более 10% работы другого лица без указания его авторства, ссылки на источник и использования кавычек.

3. Некорректное перефразирование произведения другого лица, при котором было изменено более одного предложения в рамках одного параграфа или раздела текста либо предложения были расположены в ином порядке без соответствующей ссылки на источник. Существенное некорректное перефразирование (более 10% оригинальной работы) без ссылки на источник приравнивается к дословному копированию.

4. Использование составных частей произведения другого лица без указания авторства, например, абзаца, рисунка или таблицы без указания ссылки на источник или использования кавычек.

Введение института совместного банкротства супругов: проблемы и перспективы

Матвеев Игорь Валентинович,
доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
доцент кафедры гражданского и предпринимательского права
Всероссийского государственного университета юстиции
(ВГУЮ (РПА Минюста России)),
кандидат юридических наук, доцент
ivmatveev@rambler.ru

В статье оценивается необходимость введения в российскую систему права института совместного банкротства супругов. Данное, по мнению автора, позволит упорядочить обязательственные отношения лиц, состоящих в браке, а также упростить судебную процедуру, которая для каждого из супругов может стать единой и в связи с чем более дешевой. Кроме того, формирование единой имущественной массы, из которой будет осуществляться удовлетворение требований кредиторов, позволит избежать лишних споров о принадлежности имущества должника к единоличному или к общему. Также в статье анализируются некоторые пробелы правового обеспечения отношений по совместному банкротству супругов, которые не учли разработчики рассматриваемого законопроекта. В частности, поднимаются проблемы защиты имущественных интересов несовершеннолетних детей при совместном банкротстве супругов родителей.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство), совместное банкротство супругов, ответственность супругов по обязательствам, реализация имущества, имущественные права детей при совместном банкротстве супругов.

The Establishment of the Institution of Joint Bankruptcy of Spouses: Problems and Prospects

Matveev Igor V.
Associate Professor of the Department of Legal Regulation
of Economic Operations of the Financial University
under the Government of the Russian Federation
Associate Professor of the Department of Civil and Entrepreneurial Law
of the All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia)
PhD (Law), Associate Professor

The article assesses the need to introduce the institution of joint bankruptcy of spouses into the Russian legal system. This, according to the author, will allow to streamline the obligations of married persons, as well as to simplify the judicial procedure, which for each of the spouses can become the same and, therefore, cheaper. In addition, the formation of a single property mass, from which the satisfaction of creditors' claims will be carried out, will avoid unnecessary disputes about the ownership of the debtor's property to the sole or to the general. Also, the article analyzes some gaps in the legal support of relations on joint bankruptcy of spouses, which were not taken into account by the developers of the draft law under consideration. In particular, the problems of protecting the property interests of minor children are raised in the case of joint bankruptcy of spouses-parents.

Keywords: insolvency (bankruptcy), joint bankruptcy of spouses, responsibility of spouses for obligations, sale of property, property rights of children in case of joint bankruptcy of spouses.

Статья 5 проекта Федерального закона № 835938-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Законопроект № 835938-7) предлагает введение в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)») института совместного

банкротства супругов, который уже начал самостоятельно вызревать в судебной практике по аналогии с правилами о соучастии в деле.

В настоящее время в отечественной юридической науке под совместным банкротством супругов принято «понимать процессуальное соучастие супругов-должников в деле

о банкротстве, что, по существу, означает рассмотрение в рамках одного дела вопроса о банкротстве сразу двух супругов»¹. Совместное банкротство супругов, бесспорно, обладает такими достоинствами, как:

- возможность рассмотрения дела о банкротстве мужа и жены в одном производстве;
- экономия средств должника на оплату расходов, связанных с осуществлением процедур банкротства;
- создание единого реестра кредиторов, связанного с обязательствами двух должников-супругов;
- наличие единой имущественной массы, состоящей из супружеского имущества, впоследствии – конкурсной массы, исключающей споры о принадлежности имущества между супругами-должниками.

В настоящее время возможность банкротства двух супругов в одном деле о банкротстве может возникнуть двумя способами.

Во-первых, путем «удовлетворения судом совместного заявления супругов о признании их банкротами»², что впервые было реализовано в резонансном решении Арбитражного суда Новосибирской области от 9 ноября 2015 г. по делу № А45-20897/2015³.

Во-вторых, с помощью объединения в соответствии с определением суда на основании ст. 130 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ) нескольких дел (в данном случае двух) в одно производство. Так, согласно п. 2 ст. 130 АПК РФ арбитражный суд первой инстанции вправе объединить несколько однородных дел, в которых участвуют одни и те же лица, в одно производство для совместного рассмотрения. Вместе с этим арбитражный суд первой инстанции, установив, что в его производстве имеется несколько дел, связанных между собой по основаниям возникновения заявленных требований и (или) представленным доказательствам, а также в иных случаях возникновения риска принятия противоречащих друг другу судебных актов, по собственной инициативе или по ходатайству лица, участвующего в деле, объединяет эти дела в одно производство для их совместного рассмотрения (п. 2.1 ст. 130 АПК РФ).

Несмотря на указанную возможность рассмотрения дел о совместном банкротстве супругов, большинство арбитражных судов находили аргументы для отказа в этом. Проанализировав и обобщив соответствующую судебную практику, О.А. Волгина и Р.В. Хисамова в качестве аргументов для отказа судами совместного рассмотрения дел о банкротстве супругов указывали на то, что:

«действующее законодательство о банкротстве не предусматривает процессуальной возможности совместного банкротства супругов, имеющих процессуальный статус ответчиков;

при рассмотрении дел о банкротстве специальными нормами АПК РФ и ФЗ о несостоятельности (банкротстве) не предусмотрена множественность лиц на стороне должника;

ни режим общей собственности супругов, ни наличие солидарных обязательств не создают предпосылок и осно-

ваний для объединения дел о банкротстве разных должников в одно производство;

в случае выявления у должника имущества, не являющегося совместной собственностью, либо кредиторов, связанных с личностью одного из супругов, рассмотрение дела в одном производстве повлечет конфликт интересов лиц, участвующих в деле, и усложнит его рассмотрение»⁴.

Как видим, первые три из четырех приведенных аргументов носят формальный характер, поскольку, выражая их, судьи соответствующих арбитражных судов не берут на себя смелость рассматривать дело о совместном банкротстве супругов без наличия специальной нормы, содержащейся в ФЗ о несостоятельности (банкротстве) и прямо предусматривающей исследуемый в данной статье институт. Что же касается четвертого аргумента для отказа, связанного с возможностью порождения конфликта интересов лиц, участвующих в деле, то этот аргумент представляется весомым и не таким формальным, как первые три. Более того, при совместном банкротстве супругов могут быть затронуты не только интересы лиц, участвующих в деле о банкротстве, но и кредиторов, не являющихся конкурсными. В этой связи, формируя институт совместного банкротства супругов, законодатель должен учесть все возможные нюансы, связанные с реализацией имущества указанных содолжников и распределением конкурсной массы.

Таким образом, до принятия и вступления в законную силу дополнений в ФЗ о несостоятельности (банкротстве), связанных с введением совместного банкротства супругов, последнее существует исключительно в практике некоторых арбитражных судов как чисто процессуальный институт. Необходимость его законодательной легитимации, с учетом упоминавшихся выше достоинств, позволит оптимизировать законодательство о банкротстве граждан и сформировать эффективную судебную практику.

Предлагаемая Законопроектом № 835938-7 ст. 213.33 ФЗ о несостоятельности (банкротстве) изначально называет условия, необходимые для совместного банкротства супругов.

Первым таким условием является наличие режима общей совместной собственности на имущество супругов. Однако разработчик законопроекта № 835938-7 не уточняет: речь идет о нахождении всего супружеского имущества в режиме общей совместной собственности или его части. Буквально толкуя текст п. 1 ст. 213.33, предлагаемой к внесению в ФЗ о несостоятельности (банкротстве): «Если заключенным между супругами или бывшими супругами брачным договором не предусмотрен иной по сравнению с общей совместной собственностью супругов режим их имущества...», можно предположить, что речь в данном случае может идти как о незаключенности брачного договора вообще, так и о заключении брачного договора на часть имущества, при этом в последнем случае часть супружеского имущества должна оставаться в режиме общей супружеской собственности.

Вторым необходимым условием является совместная подача заявления обоими супругами либо их кредитором

¹ Хлюстов П.В. Совместное имущество супругов: проблемы формирования конкурсной массы гражданина-банкрота // Закон. 2015. № 12. С. 63–72.

² Волгина О.А., Хисамова Р.В. Совместное банкротство супругов в России: как осуществить его на практике и какая от этого польза // Закон. 2017. № 2. С. 65–74.

³ СПС «КонсультантПлюс: Судебная практика».

⁴ Волгина О.А., Хисамова Р.В. Совместное банкротство супругов в России: как осуществить его на практике и какая от этого польза // Закон. 2017. № 2. С. 65–74.

о совместном банкротстве супругов в арбитражный суд с соблюдением положений ст. 213.3 и 213.4 ФЗ о несостоятельности (банкротстве) об условиях обращения с заявлением о признании банкротом. Так, согласно п. 1 ст. 213.4 ФЗ о несостоятельности (банкротстве) гражданин обязан обратиться в арбитражный суд с заявлением о признании его банкротом в случае, если удовлетворение требований одного кредитора или нескольких кредиторов приводит к невозможности исполнения гражданином денежных обязательств и (или) обязанности по уплате обязательных платежей в полном объеме перед другими кредиторами и размер таких обязательств и обязанностей в совокупности составляет не менее чем 500 тыс. руб., не позднее тридцати рабочих дней со дня, когда он узнал или должен был узнать об этом. Кроме того, п. 2 ст. 213.4 ФЗ о несостоятельности (банкротстве) дает право гражданину обратиться в арбитражный суд с аналогичным заявлением в случае предвидения банкротства при наличии обстоятельств, очевидно свидетельствующих о том, что он не в состоянии исполнить денежные обязательства и (или) обязанность по уплате обязательных платежей в установленный срок, при этом гражданин отвечает признакам неплатежеспособности и (или) признакам недостаточности имущества.

Что же касается обращения кредитора в арбитражный суд с заявлением о признании гражданина несостоятельным (банкротом), то ст. 213.3 ФЗ о несостоятельности (банкротстве) устанавливает для этого условия, как превышение размера требований к должнику гражданину — 500 тыс. руб. и неисполнение указанных требований в течение трех месяцев с даты, когда они должны быть исполнены. Обращает на себя внимание некая несостыковка действующего п. 1 ст. 213.3 ФЗ о несостоятельности (банкротстве) с п. 1 ст. 213.33 предлагаемого Законопроекта № 835938-7. Так, действующая норма наделяет правом подачи заявления о признании гражданина банкротом только конкурсных кредиторов и уполномоченных органов, тогда как в Законопроекте № 835938-7 речь идет о любых кредиторах. В связи с чем представляется необходимым приведение вводимого п. 1 ст. 213.33 к смысловому единообразию путем указания в нем не просто кредиторов обоих супругов, а именно конкурсных кредиторов и уполномоченных органов.

Третьим необходимым условием для возбуждения в арбитражном суде дела о совместном банкротстве супругов является наличие неисполненных общих обязательств супругов. Представляется, что размер неисполненных общих обязательств супругов здесь также имеет значение и должен определяться в соответствии с вышеприведенными нормами ст. 213.3 и 213.4 ФЗ о несостоятельности (банкротстве).

Частным случаем обращения в арбитражный суд по поводу совместного банкротства супругов является предусмотренное п. 2 ст. 213.33 вводимого Законопроекта № 835938-7 право финансового управляющего гражданина-должника обратиться в арбитражный суд с заявлением о признании банкротом супруга (бывшего супруга) должника уже в рамках процедуры совместного банкротства. Таким правом финансовый управляющий обладает, если в ходе применения процедур в деле о банкротстве должника кре-

дитор заявит о том, что его требование относится к общим обязательствам обоих супругов (бывших супругов). Таким образом, авторы законопроекта фактически предусматривают возможность преобразования индивидуального банкротства гражданина-должника, состоящего в браке, в совместное банкротство супругов при вышеназванных условиях.

Вместе с этим п. 5 ст. 213.33 Законопроекта № 835938-7 предусматривает и обратную ситуацию, когда возбужденное дело о совместном банкротстве супругов может преобразоваться в два самостоятельных дела о банкротстве каждого из них. Так, в случае раздела имущества, составляющего общую совместную собственность супругов в рамках процедуры совместного банкротства, в том числе произведенного по требованию кредитора по обязательству одного из супругов, применяются правила семейного законодательства о выделении долей в общих обязательствах супругов (бывших супругов) и производится рассмотрение дел о банкротстве каждого из супругов (бывших супругов) по правилам индивидуального банкротства.

Норма Законопроекта № 835938-7 о том, что кредиторы каждого из супругов (кредиторы по обязательствам одного из супругов) вправе заявлять свои требования в рамках процедуры совместного банкротства (п. 4 ст. 213.33), направлена на защиту прав кредиторов по раздельным обязательствам супругов, которые с точки зрения реестровой очередности будут смешаны с кредиторами по общим обязательствам. Если же подобное смешение будет кредитором невыгодным (например: раздельного имущества у должника супруга больше, чем общего, при этом размер требований кредиторов по общим обязательствам превышает размер требований по раздельным обязательствам), кредитор может воспользоваться своим правом на раздел супружеского имущества в соответствии с п. 5 ст. 213.33 Законопроекта № 835938-7 и тем самым способствует переводу процесса совместного банкротства супругов в их индивидуальное банкротство.

При признании обоих супругов банкротами по схеме совместного банкротства супругов определенные вопросы возникают в связи с реализацией имущественных прав их несовершеннолетних детей. В первую очередь следует обратить внимание на имущество, которое супругами было приобретено исключительно для удовлетворения интересов детей, которое необходимо ФЗ о несостоятельности (банкротстве) прямо исключить из реализации. Здесь целесообразно провести параллель с п. 5 ст. 38 Семейного кодекса Российской Федерации (далее — СК РФ), где говорится о том, что при разделе супружеского имущества вещи, приобретенные исключительно для удовлетворения потребностей несовершеннолетних детей (одежда, обувь, школьные и спортивные принадлежности, музыкальные инструменты, детская библиотека и др.), разделу не подлежат и передаются без компенсации тому из супругов, с которым проживают дети. Поскольку при вынесении решения о совместном банкротстве супругов не может быть раздела супружеского имущества, судьба некоторых из вышеуказанных вещей, в частности дорогого спортивного инвентаря, компьютерной

техники, музыкальных инструментов и др., может вызывать опасение. В этой связи представляется необходимым положения о совместном банкротстве супругов Законопроекта № 835938-7 дополнить нормами, касающимися невозможности реализации имущества, указанного в п. 5 ст. 38 СК РФ, для наполнения конкурсной массы с целью расчетов с кредиторами по обязательствам супругов-родителей.

Еще одним вопросом, непосредственно касающимся интересов несовершеннолетних детей супругов, подлежащих совместному банкротству, является проблематика сохранения средств на их содержание от притязаний иных кредиторов, поскольку (и об этом не стоит забывать!) несовершеннолетние дети являются кредиторами своих родителей по обязательству предоставлять содержание своим детям.

Согласно п. 2 ст. 213.27 ФЗ о несостоятельности (банкротстве) требования, связанные с уплатой алиментов относятся к первой очереди текущих платежей, а также на основании п. 3 ст. 213.27 ФЗ о несостоятельности (банкротстве) — к первой очереди реестровых требований. И если при индивидуальном банкротстве одного супруга другой супруг вправе на основании вышеназванных статей требовать включения в себя в качестве законного представителя несовершеннолетнего получателя алиментов в реестр требований, а также уплаты алиментов, входящих в текущие платежи, то при совместном банкротстве супругов данная проблематика представляется прямо не урегулированной Законопроектом № 835938-7. Думается, законодатель для подобной ситуации должен прописать в статусе супругов-должников при совместном банкротстве их одновременное право (либо право одного из них) быть законным представителем своего несовершеннолетнего по требованию алиментных платежей либо, как вариант, назначить несовершеннолетнему получателю алиментов опекуна (попечителя) для защиты его прав и законных интересов в банкротном процессе своих родителей. В принципе такую роль могут на себя взять и органы опеки и попечительства, обязательное участие которых при рассмотрении дела о совместном банкротстве супругов, являющихся родителями несовершеннолетних детей, для защиты интересов последних представляется необходимым.

Более того, даже в отсутствие алиментных обязательств, установленных судом или нотариальным соглашением, объективно требуется законодательно установленный минимум, который бы из конкурсной массы в первую очередь выплачивался бы на содержание общих несовершеннолетних детей супругов, являющихся должниками в деле об их совместном банкротстве.

Итак, перед введением института совместного банкротства супругов разработчикам соответствующего законопроекта хотелось бы порекомендовать дополнить его нормами, регулирующими вышерассмотренные проблемы, а возможно, и задуматься о создании специальной статьи ст. 213.34 ФЗ о несостоятельности (банкротстве), которая

бы называлась «Особенности совместного банкротства супругов, имеющих несовершеннолетних детей».

Анализируя содержание Законопроекта № 835938-7 в части совместного банкротства супругов, хочется позитивно оценить содержание вводимого им п. 6 ст. 213.33, которым устанавливается, что по заявлению одного из супругов суд может указать в определении о завершении реализации имущества гражданина (банкротстве) последствия признания гражданина банкротом не применяются к этому супругу, если наступлению совместного банкротства способствовало поведение другого супруга. Тем самым такие последствия банкротства гражданина, как указание на факт банкротства при принятии на себя заемных и кредитных обязательств, невозможность в течение пяти лет подавать заявление в арбитражный суд, невозможность в течение определенных сроков занимать руководящие должности юридических лиц, при определенных условиях могут в силу судебного решения не применяться к супругу, который при совместном банкротстве стал банкротом вследствие поведения другого супруга.

Следует заметить, что вводимая Законопроектом № 835938-7 в ФЗ о несостоятельности банкротстве ст. 213.33 распространяет свое действие не только на супругов, но и на бывших супругов, что исходит как из названия статьи, так и из ее содержания. При этом из буквального толкования следует, что возможность рассмотрения дела о совместном банкротстве бывших супругов не связана никакими временными промежутками, прошедшими с момента расторжения брака и до подачи заявления о банкротстве, что представляется правильным, поскольку между разведенными супругами и их кредиторами могут оставаться еще не исполненными долгосрочные обязательства. Вместе с этим хотелось бы предложить разработчикам Законопроекта № 835938-7 законодательно запретить процедуру совместного банкротства бывших супругов, если к моменту подачи в арбитражный суд заявления о совместном банкротстве один из них или оба вступили в новый брак. В этом случае вопросы банкротства таких лиц должны решаться индивидуально. Необходимость данного запрета должна быть обусловлена в первую очередь этическими соображениями.

Итак, возможность введения института совместного банкротства супругов следует в целом признать положительным фактором, позволяющим оптимизировать вопросы правового обеспечения имущественных интересов супругов, ставших в силу различных причин несостоятельными, а также их кредиторов. Как и любое законодательное нововведение, Законопроект № 835938-7 в части совместного банкротства супругов требует определенной доработки в части учета некоторых рассмотренных выше нюансов, при этом данное не лишает этот законопроект перспективности, поскольку он существенно упорядочивает применение последствий нарушения общих обязательств супругов.

Литература

1. Волгина О.А. Совместное банкротство супругов в России: как осуществить его на практике и какая от этого польза / О.А. Волгина, Р.В. Хисамова // Закон. 2017. № 2. С. 65–74.
2. Хлюстов П.В. Совместное имущество супругов: проблемы формирования конкурсной массы гражданина-банкрота / П.В. Хлюстов // Закон. 2015. № 12. С. 63–72.

Укрепление института семьи как основа безопасности современного российского общества

Рудьман Денис Сергеевич,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Омской академии Министерства внутренних дел Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент
denis-rudman@yandex.ru

Слышалов Игорь Викторович,
доцент кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях
Омской академии Министерства внутренних дел Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент
8913967@gmail.com

Цвилий-Букланова Анна Александровна,
доцент кафедры организации финансово-экономического,
материально-технического и медицинского обеспечения
Академии управления Министерства внутренних дел Российской Федерации,
кандидат юридических наук
anntsviliy@mail.ru

В статье рассматривается влияние института семьи на безопасность российского общества. Одним из видов безопасности выступает демографическая безопасность, которая тесным образом связана с другими видами безопасности (государственной, общественной, информационной, экологической, экономической, транспортной и др.). Авторы отмечают, что обеспечение демографической безопасности способствует решению проблем высокой смертности, низкой рождаемости, как следствие, депопуляции населения. Обращается внимание на то, что одним из факторов, обуславливающих сложную демографическую ситуацию, является падение авторитета семьи. Отмечается, что для достижения цели укрепления семьи требуется незамедлительное принятие мер, направленных на дальнейшее совершенствование действующего семейного законодательства. Предлагается закрепить понятие семьи на законодательном уровне, предусмотреть возможность определения личных прав и обязанностей супругов брачным договором, ряд других мер. Авторы приходят к выводу, что принятие данных мер будет способствовать достижению одной из целей Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года — укреплению престижа брака и семейного образа жизни.

Ключевые слова: семья, безопасность, демография, общество, брачный договор, семейное законодательство.

Strengthening of the Family Institution as a Basis for Security of the Modern Russian Society

Rudman Denis S.
Associate Professor of the Department of Civil and Legal Disciplines
of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
PhD (Law), Associate Professor

Slyshalov Igor V.
Associate Professor of the Department of Activities of Internal Affairs Agencies
in Special Conditions of the Omsk Academy
of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
PhD (Law), Associate Professor

Tsviliy-Buklanova Anna A.

Associate Professor of the Department of Organization of Financial, Economic, Logistical and Medical Support of the Management Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
PhD (Law)

The article considers the influence of the family institution on the security of Russian society. One of the types of security is demographic security, which is closely related to other types of security (state, public, information, environmental, economic, transport, etc.). The authors note that the provision of demographic security contributes to solving the problems of high mortality, low birth rate, as a consequence, depopulation of the population. Attention is drawn to the fact that one of the factors causing a difficult demographic situation is the decline in the authority of the family. It is noted that in order to achieve the goal of strengthening the family, immediate measures aimed at further improving the existing family legislation are required. It is proposed to consolidate the concept of the family at the legislative level, to provide for the possibility of determining the personal rights and obligations of spouses by a marriage contract, and a number of other measures. The authors conclude that the adoption of these measures will contribute to the achievement of one of the goals of the Concept of state family policy in the Russian Federation for the period up to 2025—to strengthen the prestige of marriage and family lifestyle.

Keywords: family, security, demography, society, marriage contract, family legislation.

Понятие «безопасность» является многогранным. В общем виде под безопасностью понимается состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. В зависимости от сферы жизнедеятельности, в которой требуется обеспечить состояние защищенности, следует вести речь о государственной, общественной, информационной, экологической, экономической, транспортной, энергетической безопасности, безопасности личности и т.д. В совокупности отмеченные виды представляют собой структурные составляющие национальной безопасности.

Наряду с указанными видами считаем важным выделение демографической безопасности, которая тесным образом связана с другими видами безопасности. Демографическая безопасность, на наш взгляд, выступает одной из ведущих составляющих национальной безопасности. Не случайно в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации к числу национальных интересов на долгосрочную перспективу отнесены «повышение качества жизни, укрепление здоровья населения, обеспечение стабильного демографического развития страны»¹. Это вполне справедливо, учитывая то, что все остальные виды национальной безопасности по своей сути сосредоточены вокруг человека. Тогда как обеспечение демографической безопасности способствует решению проблем высокой смертности, низкой рождаемости, как следствие, депопуляции населения.

Одним из факторов, обуславливающих сложную демографическую ситуацию, является падение авторитета семьи в современном российском обществе. Данная взаимосвязь вполне очевидна, учитывая то, что одной из функций семьи традиционно считается рождение и воспитание детей. Несмотря на то что «семейная жизнь остается для большинства россиян наиболее естественной формой взаимоотношений»², современная российская семья переживает кризис. По официальной статистике, количество разводов не отстает от числа заключаемых браков. Так, в Омской области за первую декаду 2018 г. развелись 2022 супружеские пары, при этом зарегистрировали отношения 2427 пар. Таким образом, по данным Омскстата, в расчете на 1000 жителей Омской области за ука-

занный период приходилось пять браков и четыре развода³. Аналогичные показатели зафиксированы в целом по стране. По данным, приведенным Росстатом, в 2018 г. зарегистрировано 583 942 развода, при этом количество зарегистрированных браков составило 893 039 единиц. Другими словами, на 1000 жителей Российской Федерации в 2018 г. приходилось шесть браков и четыре развода⁴. Некоторые исследователи данного вопроса справедливо заявляют о кризисе российской семьи, влияющем на будущую демографическую ситуацию и, как следствие, на национальную безопасность страны⁵. Сложившаяся ситуация вызывает необходимость принятия незамедлительных мер, в первую очередь правового характера, направленных на реализацию одного из главных принципов семейного права — укрепление семьи. Полагаем, что к числу таких мер необходимо отнести следующие.

1. Закрепление понятия семьи на законодательном уровне.

Несмотря на то что «семья является естественной и основной ячейкой общества и имеет право на защиту со стороны общества и государства»⁶, до настоящего времени в российском законодательстве отсутствует определение понятия семьи. В качестве исключения можно привести Федеральный закон «О прожиточном минимуме в Российской Федерации», в соответствии со ст. 1 которого семья — лица, связанные родством и (или) свойством, совместно проживающие и ведущие совместное хозяйство⁷. Следует отметить, что данное определение имеет ограниченный спектр действия. Его использование может быть вызвано необходимостью регулирования отношений в области социальной защиты граждан Российской Федерации, а не отношений между членами семьи.

Отсутствие легального определения понятия семьи, вероятно, объясняется тем, что семья как сложное социальное явление рассматривается во многих областях научного знания, в том числе различных самостоятельных отраслях права (семейное, гражданское, жилищное, уго-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

² Не хочу учиться, хочу жениться, или О возрасте вступления в брак. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116370> (дата обращения: 05.04.2021).

³ См.: В Омске на пять браков приходится четыре развода. URL: <https://bk55.ru/news/article/125379/> (дата обращения: 05.04.2021).

⁴ См.: Браки и разводы. URL: <https://www.gks.ru/folder/12781> (дата обращения: 05.04.2021).

⁵ См.: Беспалов Ю.Ф. К вопросу о семейных ценностях в Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2018. № 5. С. 6–8.

⁶ Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Федеральный закон от 24 октября 1997 г. № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

ловное, трудовое и др.). В связи с этим правовое закрепление универсального определения представляется крайне сложным для законодателя, а также чревато допущением ошибок в процессе правоприменения. Вместе с тем потребность в законодательном закреплении дефиниции «семья» имеется. Это обусловлено рядом причин.

Во-первых, в соответствии с п. 1 ст. 1 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) семья, материнство, отцовство и детство в Российской Федерации находятся под защитой государства. Таким образом, для создания эффективного механизма правовой охраны семьи, обеспечения стабильности и устойчивости семьи в российском государстве необходимо четко понимать, что такое семья. Полезным данное определение будет в том числе и для целей применения гл. 20 Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающей составы преступлений против семьи и несовершеннолетних.

Во-вторых, для признания брака недействительным по такому основанию, как заключение фиктивного брака, то есть если супруги или один из них зарегистрировали брак без намерения создать семью (п. 1 ст. 27 СК РФ), суду необходимо установить, была в процессе совместной жизни супругов создана семья или нет. Ответить на подобный вопрос гораздо проще при наличии законодательной дефиниции семьи.

В-третьих, в последнее время наметилась тенденция, связанная со смешением социологического и юридического подходов к определению семьи. Так, в январе 2018 г. в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации был внесен законопроект № 368962-7 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации» (по вопросу о статусе фактических брачных отношений). Речь в законопроекте идет о возможности придания легального характера так называемым «фактическим брачным отношениям» и приравниванию их к официально зарегистрированным отношениям. Следует согласиться с П.В. Крашенинниковым, который отмечал, что «такого рода меры едва ли приведут к укреплению и стабильности института семьи...»⁸. Аналогичной точки зрения придерживается О.В. Смышляева. Автор отмечает, «что сожителство без оформления отношений в установленном законом порядке существовало всегда, но в современном российском обществе оно приобрело особую популярность, что, как представляется, негативно сказывается на авторитете семьи и сохранении традиционных семейных ценностей»⁹.

Это далеко не полный перечень причин, которые вызывают необходимость закрепления определения семьи на законодательном уровне.

2. Внесение изменений в ст. 14 СК РФ, в которой закреплены обстоятельства, препятствующие заключению брака, дополнение указанной статьи пунктом о том, что не допускается заключение брака между лицами одного пола.

На сегодняшний день в соответствии с п. 1 ст. 158 СК РФ существует возможность заключения однополых браков за пределами территории Российской Федерации

с соблюдением законодательства государства, на территории которого они заключены. Такие браки признаются действительными в Российской Федерации, если отсутствуют предусмотренные ст. 14 СК РФ обстоятельства, препятствующие заключению брака. В названной статье ничего не сказано о запрете однополых союзов. Следует отметить, что механизм непризнания таких браков имеется. Но он весьма непростой, предполагает знание основ не только семейного, но и международного частного права. Рядовому правоприменителю решение такой задачи представляется крайне сложным, не говоря уже о гражданах, не имеющих знаний в области права. Подтверждением этому является случай, произошедший в начале 2018 г., когда два молодых человека, зарегистрировавшие свои отношения в Дании, по возвращении в Россию обратились в уполномоченный орган для признания их отношений легитимными и получили одобрение. К счастью, позже, когда данная история получила широкий общественный резонанс, документы со штампами о браке молодых людей были аннулированы¹⁰.

Представляется, что внесение изменений в ст. 14 СК РФ будет способствовать утверждению традиционных семейных ценностей, к которым относятся ценности брака, понимаемого как союз мужчины и женщины, основанный на государственной регистрации в органах записи актов гражданского состояния, заключаемый в целях создания семьи, рождения и (или) совместного воспитания детей, основанный на заботе и уважении друг к другу, к детям и родителям, характеризующийся добровольностью, устойчивостью и совместным бытом, связанный со взаимным стремлением супругов и всех членов семьи к его сохранению¹¹.

3. Закрепление возможности определения личных прав и обязанностей супругов брачным договором, дополнение ст. 40 СК РФ указанием на это.

Одним из принципов семейного права является равенство прав супругов в семье. Данный принцип следует из конституционного положения о том, что мужчина и женщина имеют равные права и свободы, равные возможности для их реализации (ч. 3 ст. 19 Конституции РФ). Свое отражение он получил в ряде статей СК РФ. Например, при разделе общего имущества супругов и определении долей в этом имуществе доли супругов признаются равными (п. 1 ст. 39 СК РФ). В личной неимущественной сфере супруги также равны. Как следует из п. 2 ст. 31 СК РФ, вопросы материнства, отцовства, воспитания, образования детей и другие вопросы жизни семьи решаются супругами совместно исходя из принципа равенства супругов. По верному замечанию Т.В. Шершень, принцип равенства супругов предполагает как равноправие, то есть наличие у субъектов одинаковых прав, так и отсутствие между супругами отношений власти и подчинения¹².

¹⁰ См.: МВД России аннулировало паспорта заключивших брак мужчин. URL: <https://m.news.yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fwww.novayagazeta.ru%2Fnews%2F2018%2F01%2F26%2F138977-mvd-rossii-annulirovalopasporta-zaklyuchivshih-brak-muzhchin> (дата обращения: 10.04.2021).

¹¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 августа 2014 г. № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // СПС «КонсультантПлюс».

¹² См.: Шершень Т.В. Принцип равенства прав супругов: генезис и некоторые проблемы его реализации в современном семейном праве России // Российская юстиция. 2010. № 7. С. 30.

⁸ Крашенинников П.В. Нужен ли России новый Семейный кодекс? // Семейное и жилищное право. 2017. № 1. С. 3–7.

⁹ Смышляева О.В. Фактические брачные отношения как альтернатива браку в Российской Федерации: теория и практика применения // Семейное и жилищное право. 2019. № 4. С. 24.

Принцип равенства супругов стал основополагающим еще в советском праве в первом и последующих кодифицированных семейно-правовых актах (1918 г., 1926 г., 1969 г.). На сегодняшний день идея равенства супругов также воспринята как положительная. Вместе с тем необходимо отметить, что семейное законодательство прошло многолетний путь своего развития, произошли значительные перемены в социально-экономической сфере общества. Данные обстоятельства требуют серьезного переосмысления подходов к принципу равенства личных прав супругов.

Семейные конфликты между супругами возникают по разным причинам. Очевидной предпосылкой нестабильности в отношениях супругов, ведущей к разрушению семьи, является возложение на супругов исторически несвойственных для них функций. Другими словами, в то время когда женщина зарабатывает деньги для обеспечения семьи, мужчина занимается воспитанием детей. «Наблюдается трансформация социальных ролей, выполняемых супругами в рамках семейной ячейки. Современные реалии разрушают традиционный образ «идеальной семьи» — возглавляемой «мужчиной-кормильцем», единолично несущим ответственность за всех членов семьи и самостоятельно принимающим судьбоносные решения». Все более привлекательным, по данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), становится тип семьи, в которой права и обязанности, ответственность за принятие решений супруги делят поровну. Так, в ходе опроса, проведенного в 2016 г., выяснилось, что для 52% россиян такой формат отношений является приемлемым. Для сравнения, в 2012 г. этой позиции придерживалось лишь 45% респондентов¹³.

Не углубляясь в психологические тонкости взаимоотношений супругов, следует отметить, что рациональный подход к распределению семейных обязанностей является залогом счастливой семейной жизни. Это отнюдь не значит, что каждый из супругов должен заниматься исключительно одним конкретным делом (воспитание детей, трудовая деятельность, ведение домашнего хозяйства и т. д.), не подменяя другого супруга в чем-то другом. Важно, чтобы не было конкуренции. В условиях, когда супруги начинают соревноваться друг с другом за лидерство, отношения между ними становятся предельно уязвимыми, конфликты возникают все чаще, что неминуемо ведет к распаду семьи.

Считаем, что юридическим решением данной задачи могла бы стать возможность определения личных прав

и обязанностей супругов брачным договором. Следует отметить, что опыт применения конструкции брачного договора, регулирующего как имущественные, так и личные неимущественные права и обязанности супругов, в мировой практике имеется. Так, в ст. 20.1 Кодекса о браке и семье Республики Беларусь закреплено, что супруги вправе самостоятельно решать вопросы, касающиеся их личных интересов, если иное не оговорено в брачном договоре¹⁴. На наш взгляд, распространение действия положений брачного договора на личные права и обязанности супругов будет способствовать конкретизации социальных ролей супругов, а значит, и укреплению взаимоотношений между ними¹⁵. При этом, по верному замечанию С.Ш. Шугаиловой, принцип равноправия супругов никоим образом не пострадает, «ибо договор могут заключать лишь равные»¹⁶.

Таким образом, на сегодняшний день назрела необходимость совершенствования действующего семейного законодательства. По верному замечанию П.В. Крашенинникова, «точечные изменения Семейного кодекса РФ необходимы, поскольку жизнь не стоит на месте, появляются новые виды отношений, которые вызывают потребность в новых механизмах регулирования...»¹⁷.

В заключение вновь хотелось бы обратиться к Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г., отметив, что «главными приоритетами успешного развития страны должны стать укрепление семьи как основы государства, а также формирование условий, при которых семья могла бы чувствовать уверенность в будущем, ощущала бы себя защищенной от рисков, связанных с появлением ребенка или нескольких детей в семье»¹⁸. Для достижения цели укрепления семьи требуется незамедлительное принятие мер, направленных на дальнейшее совершенствование действующего семейного законодательства. И тогда одним из итогов реализации концепции станет укрепление престижа брака и семейного образа жизни.

¹⁴ Кодекс о браке и семье Республики Беларусь. URL: <https://belzakon.net/> (дата обращения: 12.04.2021).

¹⁵ Рудьман Д.С. Равенство супругов в семье как фактор, способствующий ее распаду // Реализация Конституции Российской Федерации: состояние и перспективы : материалы всероссийской научно-практической конференции (г. Омск, 6 декабря 2018 г.). Омск, 2019. С. 38.

¹⁶ Шугаилова С.Ш. Соблюдение принципа равенства супругов в нормативном регулировании личных неимущественных правоотношений между ними // Бюллетень нотариальной практики. 2006. № 6. С. 31.

¹⁷ Крашенинников П.В. Указ. соч. С. 3–7.

¹⁸ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 августа 2014 г. № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Идеальная семья — 2016. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115768> (дата обращения: 12.04.2021).

Литература

1. Беспалов Ю.Ф. К вопросу о семейных ценностях в Российской Федерации / Ю.Ф. Беспалов // Семейное и жилищное право. 2018. № 5. С. 6–8.
2. Крашенинников П.В. Нужен ли России новый Семейный кодекс? / П.В. Крашенинников // Семейное и жилищное право. 2017. № 1. С. 3–7.
3. Рудьман Д.С. Равенство супругов в семье как фактор, способствующий ее распаду / Д.С. Рудьман // Реализация Конституции Российской Федерации: состояние и перспективы : материалы всероссийской научно-практической конференции (г. Омск, 6 декабря 2018 г.) / ответственный за выпуск М.А. Бучакова. Омск : Омская академия МВД России, 2019. С. 37–38.
4. Смышляева О.В. Фактические брачные отношения как альтернатива браку в Российской Федерации: теория и практика применения / О.В. Смышляева // Семейное и жилищное право. 2019. № 4. С. 23–27.
5. Шершень Т.В. Принцип равенства прав супругов: генезис и некоторые проблемы его реализации в современном семейном праве России / Т.В. Шершень // Российская юстиция. 2010. № 7. С. 28–31.
6. Шугаилова С.Ш. Соблюдение принципа равенства супругов в нормативном регулировании личных неимущественных правоотношений между ними / С.Ш. Шугаилова // Бюллетень нотариальной практики. 2006. № 6. С. 30–31.

Перспективы применения искусственного интеллекта в семейных правоотношениях: проблемы теории и практики

Степанын Ани Самвеловна,
доцент кафедры гражданского и предпринимательского права
Всероссийского государственного университета юстиции
(ВГУЮ (РПА Минюста России)),
кандидат юридических наук
anistepanyan1981@gmail.com

В статье автор анализирует некоторые проблемы эффективного применения искусственного интеллекта в правовом пространстве, в частности, в семейном законодательстве при регулировании семейных правоотношений и разрешении семейных конфликтов. Современные тенденции взаимоотношений человека и технологий направлены на активное проникновение технологии искусственного интеллекта в жизнь человека, что требует своего применения. Однако, несмотря на утверждение президентом России Национальной стратегии развития искусственного интеллекта (ИИ), большинство юристов, особенно исследователей, не готовы к нему. Автором рассмотрена возможность реализации хотя бы на уровне судебной практики некоторых функций ИИ с целью эффективной защиты прав и законных интересов супругов и детей.

Ключевые слова: семейные правоотношения, искусственный интеллект, защита семейных прав, принципы семейного права, новые технологии, юридическая деятельность.

Prospects of Artificial Intelligence Application in Family Relationships: Issues of Theory and Practice

Stepanyan Ani S.
Associate Professor of the Department of Civil and Entrepreneurial Law
of the All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia)
PhD (Law)

In the article, the author analyzes some problems of the effective use of artificial intelligence in the legal space, in particular, in family legislation in the regulation of family legal relations and the resolution of family conflicts. Modern trends in the relationship between human and technology are aimed at the active penetration of artificial intelligence technology into human life, which requires its application. However, despite the approval by the President of Russia of the national strategy for the development of artificial intelligence, most lawyers, especially researchers, are not ready for it. The author considered the possibility of implementing, at least at the level of judicial practice, some functions of AI in order to effective protection of the rights and legitimate interests of spouses and children.

Keywords: family legal relations, artificial intelligence, protection of family rights, principles of family law, new technologies, legal activity.

В последние годы человек все больше стал испытывать конкуренцию со стороны искусственного интеллекта (далее – ИИ). Это чувство не является новым для современных людей. В истории XX столетия (и даже ранее) вмешательство в жизнь человека ИИ, внедренного в робота, вызывало активную реакцию окружающих, не желающих терпеть рядом кого-то другого (не человека), что позволяло фантазировать о будущем даже в детских фильмах, как это сделал, например, режиссер К. Бромберг в фильме «Приключения

Электроника» (1979 г.), снятом по мотивам фантастических повестей Е. Велтистова¹.

ИИ постепенно вытесняет многие компетенции человека в правовом пространстве, но не способен взять на себя важные функции обеспечения сохранения человеческих ценностей в обществе, принципов справедливости, морали и нравственности. Усиление его роли в правовой сфере не

¹ Певцова Е.А. Влияние искусственного интеллекта на правовую деятельность человека // Журнал российского права. 2020. № 9. С. 19–31.

может заменить важную функцию права – воспитательную, которая влияет на правовое сознание людей, формируя уважение к ценностям права, закрепленным в нем именно человеком².

Однако особое внимание теме ИИ, его влиянию на разные сферы деятельности человека стали уделять юристы. В круг научных интересов юристов-практиков стали попадать правовые аспекты применения ИИ, вопросы правового регулирования ИИ. Большинство юристов с большой долей скептицизма и сомнением отнеслись к столь быстрому внедрению новых технологий и разработок, обосновывая свои доводы недостаточной изученностью самих технологий, в частности, ИИ как возможной формы взаимодействия с ними, а также отсутствием нормативно-правовых актов, регулирующих деятельность ИИ в тех или иных сферах, особенно в семейных отношениях, где краеугольными камнями стали проблемы морали и нравственности, не соотносимые с автоматизированными системами.

Проблемами ИИ в сфере права занимаются специальные центры, созданные в США, Германии, Японии, Индии и России³.

В 2019 году Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. (далее – Указ № 490)⁴. В Указе № 490 дается понятие ИИ, под которым понимается комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в котором в том числе используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений. Кроме того, юридически определены технологии ИИ как технологии, основанные на использовании ИИ, включая компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений и перспективные методы ИИ.

Нельзя не признать опасения и сомнения как теоретиков, так и практиков относительно ИИ, с учетом того, что как и любая автоматизированная система, он подвержен техническому сбою и образованию риска причинения вреда системе и человеку, однако, на наш взгляд, не следует забывать о тех целях, которые были провозглашены для внедрения ИИ в российскую действительность, а именно о повышении качества жизни людей, повышении уровня оказания услуг в разных сферах, обеспечении национальной безопасности и правопорядка и т.д., в связи с чем и продолжают научные исследования в сфере ИИ.

Аргументы ведущих нейролингвистов, биологов в отношении того, что человек, взаимодействуя с ИИ, перестает думать и воспитываться на всем том, что формирует личность и его ответственность, рискует потерять самого себя, не имеют под собой правовой почвы, поскольку, как отметила Т.В. Черниговская на Гайдаровском форуме – 2020, никакой ИИ открытия не сделает, ИИ способен сделать лишь технические открытия, то есть переработать огромное, громадное количество информации, на которую человек не способен⁵. И именно с этой целью мы не можем отрицать необходимость работы с ИИ, как минимум с целью облегчения жизни при поиске информации, минимизации рисков и т.д., при решении в нашем случае сложных юридических споров и конфликтов, при успешном взаимодействии юриста с ИИ (с машинным и глубоким обучением). И как показывает довольно успешный опыт зарубежных стран по внедрению ИИ в некоторых семейных ситуациях, он призван только помочь в разрешении конфликтов.

Необходимо отметить, что для практической реализации в повседневной правовой жизни теоретических исследований и фактических достижений ИИ требуется объединенная работа юристов (как практиков, так и преподавателей и судей) и технических предпринимателей.

Как известно, отношения, регулируемые семейным правом, возникают на основе брака, родства, усыновления, опеки и попечительства, принятия детей на воспитание. Эти отношения носят личный характер и построены на складывающихся между членами семьи имущественных и неимущественных отношениях⁶. Однако в семейных взаимоотношениях также возникает множество проблем, требующих не просто правового регулирования и судебной защиты, а порой и человеческого участия.

Как известно, основным вектором развития любой отрасли права являются принципы права как средство восполнения пробелов в праве. На принципы часто ссылаются высшие судебные инстанции, рассматривая соответствующие категории дел. Исследование системы принципов семейного права позволяет выявить основные закономерности и перспективы развития данной отрасли. Среди них особое место занимает принцип судебной защиты семейных прав, который носит межотраслевой характер и не является декларативным, поскольку Семейный кодекс РФ (далее – СК РФ)⁷ и Гражданский процессуальный кодекс РФ (далее – ГПК РФ)⁸ содержат достаточно подробный механизм его реализации. Вместе с тем развитие государства и общества ставит новые задачи, требующие решения. Защита нарушенных семейных прав может осуществляться без обращения в органы власти (самозащита семейных прав), путем обращения в органы исполнительной власти

² Там же.

³ Юридическая концепция роботизации : монография / Н.В. Антонова, С.Б. Бальхаева, Ж.А. Гаунова [и др.] ; отв. ред. Ю.А. Тихомиров, С.Б. Нанба. М. : Проспект, 2019. 240 с.

⁴ Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Мозг vs искусственный интеллект. Гайдаровский форум – 2020. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=kAbAr2AoVfQ>

⁶ Семейное право : учебник / Б.М. Гонгало, П.В. Крашенинников, Л.Ю. Михеева [и др.] ; под ред. П.В. Крашенинникова. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2019. 318 с.

⁷ Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

(органы опеки и попечительства), а также в судебном порядке⁹.

Следует отметить, что в научной литературе отсутствует единое мнение о том, что следует понимать под «защитой семейных прав». Однако, если объединить позиции большинства авторов¹⁰, под ними понимают предусмотренные Конституцией¹¹ и семейным законодательством Российской Федерации меры, направленные на восстановление нарушенных прав и законных интересов супругов, родителей, детей и иных членов семьи.

Современные тенденции развития науки в сфере правового регулирования и защиты семьи, материнства и детства направлены на применение ИИ с целью совершенствования существующих механизмов правовой защиты семьи как альтернативной. И именно исходя из этих соображений было создано специальное комплексное приложение 'CoParenter' на базе технологий ИИ, которое можно использовать для взаимодействия с людьми по запросу, для того чтобы помочь им ориентироваться в конфликтных ситуациях. В частности, оно помогает разведенным родителям улаживать споры с помощью ИИ и человеческого посредничества¹².

Бывший судья Верховного суда округа Риверсайд, Калифорния (в течение 20 лет), и преподаватель семейного права (в течение 10 лет) Шерил А. Эллсуорт, исходя из личного опыта, и предприниматель Джонатан Верк, который сам пережил развод, объединились для того, чтобы запустить приложение, которое, как они надеются, поможет разведенным родителям лучше управлять своими совместными родительскими спорами, общением и другими решениями в рамках единой платформы. Они учредили социальное предприятие 'CoParenter', движимое миссией, которое способствует благополучию детей, предоставляя образование, инструменты и технологии, для того чтобы помочь родителям общаться, оптимизировать их навыки совместного воспитания и принимать более обоснованные и ориентированные на ребенка решения. Как утверждает Шерил А. Эллсуорт, 80% разногласий, представленных в зале суда, даже не требовали юридического вмешательства, в большинстве дел, при рассмотрении которых она председательствовала, родители просили судью принять решение о совместном воспитании детей (семьи боролись за простейшие разногласия, такие как: где их ребенок будет ходить в школу, к какому врачу им следует обратиться и т.п. – все, что принадлежит дому, а не залу)¹³.

⁹ Рыженков А.Я. Реализация принципа судебной защиты семейных прав: проблемы и перспективы // Современное право. 2020. № 9. С. 59–65.

¹⁰ См.: например, Гражданское право: учебник / под ред. А.П. Сергеева. М.: РГ-Пресс, 2014. С. 308; Каймакова Е.В. Защита семейных прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Курск, 2011. С. 8–9, 17–18; Косова О.Ю. О судебной форме защиты и субъектах защиты семейных прав // Вестник ТвГУ. Серия «Право». 2015. № 2. С. 84–97; и др.

¹¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изм., одоб. в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Perez S. CoPrenter helps divorced parents settle disputes using AI and human mediation. March 15, 2019. URL: <https://techcrunch.com/2019/03/15/coparenter-helps-divorced-parents-settle-disputes-using-ai-and-human-mediation/?fbclid=IwAR2O2T-mg8v0RTOml3So4tgjWCqzSh0w5ogf4q2k-K84ZQVYazAokSVjDR24>

¹³ Там же.

Более того, когда родителям требуется дополнительная помощь, они могут использовать приложение вместо того, чтобы обращаться к юристам, – оно предлагает доступ по запросу для профессионалов в виде как ежемесячной, так и годовой подписки. Все профессионалы социального предприятия 'CoParenter' имеют полную лицензию в своих областях и являются либо медиаторами, либо терапевтом, либо судьями в отставке (адвокаты по семейному праву, терапевты, социальные работники или другие вышедшие на пенсию судебные коллеги с большим опытом разрешения конфликтов)¹⁴.

Любое общение между родителем и специалистом считается конфиденциальным и не подлежит использованию в качестве доказательств, поскольку цель состоит в том, чтобы не попадать в суд (но, если родители все же там окажутся, вся история и документация в другом месте приложения могут быть использованы в суде). Приложение официально запущено в январе 2020 г. и на сегодняшний день уже помогло разрешить более 4000 споров, и около 81% спорящих родителей разрешили все свои проблемы в приложении, не прибегая к помощи профессионального посредника или юриста. Использование приложения 'CoParenter' не только позволяет сэкономить деньги, время, но и помогает семье избежать суда¹⁵.

Вышеуказанный пример применения технологий ИИ, основанных на машинном и глубоком обучении, в регулировании семейных правоотношений свидетельствует о возрастающей роли современных цифровых технологий также в различных отраслях права. Достижения современной науки и техники в сочетании с опытом юристов открывают новые горизонты для того, чтобы в будущем избегать значительного объема семейных конфликтов, использовать в судебной и внесудебной практике новые механизмы регулирования споров. Исходя из этого, считаем, что, несмотря на наличие доктринальных споров о правовой природе ИИ и т.д., в российской действительности, особенно при возникновении кризисных ситуаций, возникает необходимость использовать положительный опыт на примере внедрения функциональных возможностей ИИ в семейное право.

ИИ постепенно берет на себя функции сохранения семейных ценностей в правовом пространстве, облегчая работу судей и приставов. ИИ в правовой сфере может влиять на правовое сознание людей, формируя уважение к суду и юристам. Как справедливо указывает Шерил А. Эллсуорт, судьи (те же юристы) в семейном праве отчаянно должны стараться принимать наилучшие решения на основе стандарта «В наилучших интересах детей». Это означает, что судьи на основе допустимой информации, которую они получили из документов и доказательств, представленных в суде, решают, что лучше для детей, независимо от того, согласны они с результатом или нет¹⁶.

Таким образом, анализ зарубежной практики применения технологий ИИ в регулировании такой из самых сложных и острых с точки зрения человеческого взаимо-

¹⁴ You're using the app but could use a little help. URL: <https://coparenter.com/blog/faq-are-coparenter-professionals-licensed/>

¹⁵ Perez S. Op. cit.

¹⁶ Hon. Ellsworth S.A. Judges are People Too. March 14, 2019. URL: <https://www.linkedin.com/pulse/judges-people-too-hon-sherrill-a-ellsworth-ret->

действия отраслей права, как семейное, особенно в вопросах защиты прав детей, переживших бракоразводный процесс родителей, а также сплочения усилий родителей в сочетании и грамотном распределении функций совместного воспитания детей после развода, показал и развенчал мифы о том, что ИИ сводится лишь к роботизации, что в один прекрасный день роботы потеснят юристов в профессии. «Авторитет юридической науки» не пострадает, а, наоборот, ИИ разработан не с целью порождения конфликта

«человек – машина», а исключительно как некий функционал, при помощи которого труд ученых и преподавателей в сфере семейного права, специализирующихся в семейных делах судей в отставке, медиаторов и юристов будет носить непрерывный характер, их опыт и навыки совместно с IT-специалистами могут быть использованы для альтернативного постсудебного, а также досудебного регулирования разногласий, предлагая новые решения для каждого случая, что обеспечит новые перспективы и рабочие места.

Литература

1. Гражданское право : учебник / под редакцией А.П. Сергеева. Москва: РФ-Пресс, 2014. 308 с.
2. Каймакова Е.В. Защита семейных прав : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Е.В. Каймакова. Курск, 2011. 25 с.
3. Косова О.Ю. О судебной форме защиты и субъектах защиты семейных прав / О.Ю. Косова // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». 2015. № 2. С. 84–97.
4. Певцова Е.А. Влияние искусственного интеллекта на правовую деятельность человека / Е.А. Певцова // Журнал российского права. 2020. № 9. С. 19–31.
5. Рыженков А.Я. Реализация принципа судебной защиты семейных прав: проблемы и перспективы / А.Я. Рыженков // Современное право. 2020. № 9. С. 59–65.
6. Семейное право : учебник / Б.М. Гонгало [и др.] ; под редакцией П.В. Крашенинникова. 4-е изд., перераб. и доп. Москва : Статут, 2019. 318 с.
7. Юридическая концепция роботизации : монография / Н.В. Антонова [и др.] ; ответственный редактор Ю.А. Тихомиров, С.Б. Нанба. Москва : Проспект, 2019. 240 с.
8. Perez S. CoPrenter helps divorced parents settle disputes using AI and human mediation / S. Perez // Techcrunch.com. 2019. 15 March.
9. Ellsworth S.A. Divorce and Family Court: Judges are People Too / S.A. Ellsworth // Coparenter.org. 2019. 14 March.

Издательская группа «Юрист» продолжает подписку на комплект «Библиотека юридического вуза» на 2021 год

Уважаемые читатели!

Предлагаем вам оформить подписку на комплект «Библиотека юридического вуза».

В комплект входят следующие издания:

- Арбитражный и гражданский процесс;
- Гражданское право;
- История государства и права;
- Конституционное и муниципальное право;
- Международное публичное и частное право;
- Семейное и жилищное право;
- Трудовое право в России и за рубежом;
- Финансовое право;
- Юридическое образование и наука;
- Юрист.

С условиями подписки рекомендуем ознакомиться на сайте ИГ «Юрист»: www.lawinfo.ru в разделе «Подписка».

Наш адрес:

115035, г. Москва, Космодамианская набережная, д. 26/55, стр. 7.

Телефон: 8(495) 617-18-88.

E-mail: podpiska@lawinfo.ru

Динамика семейно-правовых соглашений: проблемы правового регулирования

Филиппова Татьяна Аркадьевна,
профессор кафедры гражданского права
Алтайского государственного университета (АлтГУ),
кандидат юридических наук
avtor@lawinfo.ru

Титаренко Елена Петровна,
старший преподаватель кафедры
трудового, экологического права и гражданского процесса
Алтайского государственного университета (АлтГУ)
eptitarenko@bk.ru

Статья посвящена анализу правового регулирования динамики семейно-правовых соглашений. Авторы подробно рассматривают вопросы изменения, расторжения соглашений в семейном праве. В своем исследовании авторы подвергают критическому разбору статьи Семейного кодекса РФ (СК РФ), посвященные этим вопросам, и предлагают внести в СК РФ дополнения о самостоятельном регулировании изменения и расторжения соглашений в семейном праве и отказаться от применения одноименных норм Гражданского кодекса РФ.

Ключевые слова: семейное право, гражданское право, соглашения, изменение, расторжение, прекращение.

Dynamics of Family Law Agreements: Legal Regulation issues

Fillipova Tatyana A.
Professor of the Department of Civil Law of the Altai State University (ASU)
PhD (Law)

Titarenko Elena P.
Senior Lecturer of the Department of Labor, Environmental Law and Civil Procedure
of the Altai State University (ASU)

The article is devoted to the analyses of family law agreement dynamics legal regulation. The authors consider in detail the issues of changes and termination of agreements in family law. In the research the authors subject to critical analysis of the Family code articles which regulate this question. They also suggest to include in to the Family Code articles containing provisions about family law agreement amendment and termination and refuse application of Civil Code similar provisions.

Keywords: family law, civil law, agreements, amendment, termination, stoppage.

В своем развитии семейно-правовые соглашения могут проходить несколько стадий¹: заключение, исполнение, изменение и прекращение (расторжение как одно из оснований прекращения). В этом они схожи с динамикой заключенного договора². Существование таких стадий объясняется тем, что семейные отношения, в рамках которых заключаются семейные соглашения, как правило, имеют длящийся характер, подвержены целому ряду

субъективных и объективных факторов (смерть одной из сторон, достижение определенного возраста, изменение материального или семейного положения одной или обеих сторон соглашения и т.д.). Следствием этого является необходимость и возможность в некоторых случаях изменять, расторгать само семейно-правовое соглашение³.

В Семейном кодексе РФ (СК РФ) предусмотрено правовое регулирование динамики брачного договора и соглашения об уплате алиментов. В отношении других поименованных в СК РФ соглашений данный вопрос не нашел даже упоминания. При этом в отношении брачного дого-

¹ Ход развития, изменения какого-нибудь явления под влиянием действующих на него сил // Словарь Ушакова. URL: <https://znachenie-slova.ru/%D0%B4%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D0%BC%D0%B8%D0%BA%D0%B0> (дата обращения: 19.03.2021).

² Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. Книга первая. М.: Статут, 2001. С. 335.

³ В данной статье стадия «заключение и исполнение соглашения» не рассматривается.

вора и соглашения об уплате алиментов не наблюдается единообразия в предложенных законом формулировках. Прежде всего нужно обратить внимание, что в п. 1 ст. 43 и в п. 2 ст. 101 СК РФ законодатель допускает изменение и расторжение брачного договора и соглашения об уплате алиментов в добровольном порядке. Однако в п. 1 ст. 43 говорится о *соглашении* супругов об изменении или расторжении брачного договора, а в п. 2 ст. 101 употребляется сочетание «*взаимное согласие*». Здесь нужно заметить, что терминологическая разница не существенна. Известно, что соглашение является результатом взаимного согласия.

Вместе с тем более предпочтительным видится единообразие в изложении правового материала и использование одинаковых правовых категорий для регулирования тождественных явлений. Так, одинаково решен вопрос в отношении запрета на односторонний отказ от исполнения брачного договора (п. 1 ст. 43 СК РФ) и соглашения об уплате алиментов (п. 3 ст. 101 СК РФ) с той лишь разницей, что в ст. 101 СК РФ предложена более широкая формулировка – не допускается не только односторонний отказ от исполнения, но и одностороннее изменение его условий.

В отношении анализируемых соглашений также одинаково решен вопрос об их форме. Согласно п. 1 ст. 43 СК РФ соглашение об изменении и расторжении брачного договора совершается в той же форме, что и сам брачный договор. Такую же редакцию имеет и норма, посвященная соглашению об изменении и расторжении соглашения об уплате алиментов (п. 2 ст. 101 СК РФ). Таким образом, в законодательстве закреплено правило о письменной форме таких соглашений, подлежащих нотариальному удостоверению.

Соглашения об изменении анализируемых имущественных соглашений являются семейно-правовыми актами, которые призваны преобразовать содержание брачного договора и соглашения об уплате алиментов: дополнить указанные акты условиями о других способах и приемах реализации семейного права и исполнения семейной обязанности, которые ранее не были актуальны для субъектов соглашений; заменить одни способы и приемы на другие (при этом эти новые условия не должны противоречить существу семейных отношений и основополагающим принципам семейного права); исключить определенные способы и приемы реализации семейного права и исполнения семейной обязанности из семейных актов, так как они в определенный период неприемлемы для субъектов соглашений.

При этом соглашение об изменении семейно-правового акта не порождает и не прекращает само семейное правоотношение. Оно может прекращать конкретное семейное право или обязанность, возникшие на основании брачного договора и соглашения об уплате алиментов, и порождать правоотношения иной отраслевой принадлежности (например, супруги включили в брачный договор условие о раздельной собственности нажитое в браке имущество; родители ребенка включили в соглашение об уплате алиментов условие о выплате алиментов путем предоставления ребенку недвижимости или доли в праве).

Соглашения о расторжении анализируемых имущественных семейно-правовых соглашений также являются семейно-правовыми актами, цель которых – прекращение действия брачного договора и соглашения об уплате алиментов, права и обязанности, уточненные в соглашениях, прекращаются. Причем прекратить брачный договор и соглашение об уплате алиментов можно и тогда, когда исполнение семейной обязанности полностью или частично произведено одной из сторон. После расторжения брачного договора и соглашения об уплате алиментов права и обязанности субъектов этих актов регулируются законом. После расторжения брачного договора действует режим общей совместной собственности. После расторжения алиментного соглашения право на получение алиментов и обязанность их уплаты определяются СК РФ.

В случае, когда супруги не смогли договориться о добровольном изменении или расторжении брачного договора, последнее возможно по требованию одного из супругов по решению суда по основаниям и в порядке, которые установлены Гражданским кодексом РФ (ГК РФ) для изменения и расторжения договора (п. 2 ст. 43 СК РФ). В части изменения или расторжения соглашения об уплате алиментов действует более абстрактное правило, выражающееся в том, что к этим случаям применяются нормы ГК РФ, регулирующие расторжение гражданско-правовых сделок. В ГК РФ вопросам изменения и расторжения договора посвящены ст. 450–453, но необходимо обратиться в корректности такого подхода в регулировании оснований изменения и расторжения семейно-правовых актов (п. 2 ст. 43, п. 1 ст. 101 СК РФ).

Согласно п. 2 ст. 450 ГК РФ по решению суда договор может быть изменен или расторгнут только: 1) при существенном нарушении договора одной из сторон; 2) в иных случаях, предусмотренных настоящим кодексом, другими законами или договором.

Существенным признается нарушение договора одной из сторон, которое влечет для другой стороны такой ущерб, что она в значительной степени лишается того, на что была вправе рассчитывать при заключении договора (п. 2 ст. 450 ГК РФ). Допустим, соглашение об уплате алиментов или брачный договор, содержащий условие о выплате одним супругом другому содержания, не исполняются обязанным членом семьи, то можно сказать, что последний существенно нарушает условия договора, так как другой член семьи лишается того, на что вправе был рассчитывать при заключении соглашения. Однако управомоченная на получение денежных средств сторона не заинтересована в предъявлении иска об изменении или расторжении соглашения об уплате алиментов, брачного договора. Она, скорее всего, предъявит иск о взыскании задолженности по алиментам или исполнении обязанности по брачному договору. Плательщик денежных средств может быть заинтересован в изменении условий соглашения об уплате алиментов, брачного договора или их расторжении. Однако в соответствии с п. 2 ст. 450 ГК РФ истцом является сторона договора, управомоченная на получение денежных средств. Как видно, данное основание изменения или рас-

торжения договора неприменимо к соглашению об уплате алиментов, брачному договору.

Что касается подп. 2 п. 2 ст. 450 ГК РФ, содержащего норму об иных случаях расторжения или изменения договора, предусмотренных ГК РФ, законами или самим договором, то перечень таких случаев представлен в ст. 450.1, 451 ГК РФ. Статья 450.1 регламентирует правила одностороннего отказа от договора (исполнения договора) или от осуществления прав по этому договору. Как указывалось выше, односторонний отказ от исполнения брачного договора, соглашения об уплате алиментов не допускается. Применить положения п. 4 ст. 450.1 ГК РФ об отказе от осуществления права по договору к соглашению об уплате алиментов, брачному договору не представляется возможным, так как указанные положения распространяются на субъектов предпринимательской деятельности.

Согласно п. 1 ст. 451 ГК РФ договор может быть изменен или расторгнут в связи с существенным изменением обстоятельств, из которых стороны исходили при его заключении, если иное не предусмотрено договором или не вытекает из его существа. Изменение обстоятельств признается существенным, когда они изменились настолько, что если бы стороны могли это разумно предвидеть, договор вообще не был бы ими заключен или был бы заключен на значительно отличающихся условиях.

Если при наличии существенного изменения обстоятельств стороны договора не могут договориться о его изменении, то это может быть сделано на основании судебного решения, вынесенного по иску заинтересованной стороны. Для удовлетворения судом требования об изменении или расторжении договора необходимо доказать одновременно наличие условий, указанных в п. 2 ст. 451 ГК РФ.

При характеристике существенных изменений обстоятельств законодатель в п. 1 ст. 451 ГК РФ употребляет наречие *разумно*, которое в толковом словаре определяется как «достаточная рассудительность, руководство требованиями здравого смысла, не противореча ему; рассудительно, толково, умно»⁴. Таким образом, на субъектов договора возлагается обязанность планировать свои расходы, учитывать возможные изменения жизненных обстоятельств так, чтобы они не мешали в последующем осуществлять права по договору и исполнять обязанности.

Допуская применение анализируемых норм ГК РФ к изменению и расторжению брачного договора, мы должны распространить на его субъектов эту обязанность. Заключая брачный договор, лица, вступающие в брак, или супруги должны предполагать, что возможны изменения состояния здоровья, изменение материального положения, причем иногда кардинальные, что впоследствии может сделать невозможным исполнение брачного договора, на тех условиях, которые в нем предусмотрены. Если учитывать тот факт, что брачный договор заключается, как правило, без ограничения его действия конкретным сроком и, таким образом, будет действовать столько времени, сколько длиться брачные правоотношения, то супруги должны понимать, что

человек неминуемо стареет и зачастую в преклонных годах имеет доход меньше, чем в молодости. Поэтому принятие одним из супругов на себя имущественной обязанности, допустим по выплате содержания другому супругу, должно быть осознанным, взвешенным шагом с проекцией лет на 10–50 вперед! Супруг *должен* рассчитывать на свои силы и возможности в будущем и не брать на себя непосильные обязанности.

Однако прожить жизнь по заранее выверенной схеме вряд ли кому-то удавалось. Также нужно принимать во внимание и то, что брачный договор заключается очень близкими людьми, где эмоциональная связь крайне сильна. Поэтому в момент заключения брачного договора они в силу эмоциональной привязанности друг к другу могут поступить неразумно, без учета возможного изменения отношений друг к другу, состояния здоровья, изменения материального положения в будущем. А если все это продумывать, то, наверное, придется учитывать любые гипотетические жизненные обстоятельства (вплоть до падения метеорита и извержения вулкана) и тогда заключать брачный договор не имеет смысла.

Что касается соглашения об уплате алиментов, то законодателем избрана своеобразная модель правового регулирования. В названии ст. 101 СК РФ «Порядок заключения, исполнения, изменения, расторжения и признания недействительным соглашения об уплате алиментов» заложено право субъектов соглашения об уплате алиментов как изменить его, так и расторгнуть. И если в п. 1 данной статьи расторжение соглашения об уплате алиментов регулируется нормами ГК РФ о расторжении гражданско-правовых сделок, то об изменении соглашения об уплате алиментов в этом пункте ничего не говорится. Право на изменение данного соглашения заложено только в п. 4 данной статьи, где основанием для изменения соглашения может являться:

- а) существенное изменение материального или семейного положения сторон;
- б) недостижение соглашения об изменении соглашения об уплате алиментов.

Примечательно, что указанные основания согласно п. 4 ст. 101 СК РФ применимы и к расторжению соглашения об уплате алиментов. Таким образом, расторжение соглашения об уплате алиментов регулируется нормами ГК РФ и п. 4 ст. 101 СК РФ, а изменение соглашения об уплате алиментов регулируется только п. 4 ст. 101 СК РФ. При этом применить нормы ГК РФ о расторжении гражданско-правовых сделок к расторжению соглашения об уплате алиментов также затруднительно, как и к брачному договору.

Примером применения п. 4 ст. 101 СК РФ служит спор, рассмотренный Магаданским областным судом. Плательщик алиментов предъявил в суд иск об изменении условий соглашения об уплате алиментов, мотивируя тем, что размер алиментов по соглашению выше минимального размера, предусмотренного п. 1 ст. 81 СК РФ. После вступления в новый брак, увеличения расходов на семью, он не имеет возможности платить алименты в прежнем размере и просит уменьшить размер алиментов. Получатель алиментов возражала против удовлетворения исковых требований,

⁴ Энциклопедия «Викисловарь». URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/%D1%80%D0%B0%D0%B7%D1%83%D0%BC%D0%BD%D0%BE>

указав, что при заключении алиментного соглашения он должен был исходить из своего материального положения. Суд первой инстанции, соглашаясь с возражениями ответчика, постановил решение об отказе в удовлетворении иска. Апелляционная инстанция отменила решение суда первой инстанции, посчитав доводы истца заслуживающими внимания, и вынесла постановление об удовлетворении иска в связи с изменением семейного положения плательщика алиментов⁵. Суд в данном случае правильно определил нормы права, подлежащие применению, – нормы СК РФ, а не ст. 451 ГК РФ, как указывал апеллиант.

Брачный договор и соглашение об уплате алиментов – это не единственные соглашения в семейном праве. Имеются иные, о которых упоминает законодатель (соглашение о разделе общего имущества, о месте жительства ребенка и т.д.), которые также могут проходить указанные стадии развития. Так, у супругов (бывших супругов) может появиться необходимость и желание изменить, например, условие о долях, перечне имущества, которое получает каждый из супругов (бывших супругов). В соглашении может быть предусмотрен срок его исполнения, который также может быть изменен по желанию субъектов соглашения. Также они могут расторгнуть соглашение как до начала его исполнения, так и после частичного исполнения одной или обеими сторонами.

Неимущественные (их называют еще родительские) соглашения также можно изменить или расторгнуть. Родители вольны изменять их по своему соглашению в любое время, какое угодно количество раз. Соглашение об имени

и (или) фамилии ребенка может быть изменено только до регистрации рождения ребенка в органе ЗАГС. Соглашения о месте жительства ребенка и об участии отдельно проживающего родителя в воспитании ребенка могут изменяться в связи с возрастом ребенка, его состоянием здоровья, по иным причинам. При этом не ясно, могут ли субъекты данных соглашений в случае недостижения согласия об изменении или расторжении соглашения обратиться в суд с одноименными исками.

Как представляется, в случае возникновения спора об изменении или расторжении любого поименованного в СК РФ соглашения субъекты должны иметь возможность обратиться в суд с иском. Как указывалось нами выше, одинаковые категории предпочтительнее регулировать единообразно. В связи со сказанным, предлагаем включить в СК РФ отдельную статью «Изменение и расторжение семейных соглашений», которая может иметь такое содержание: «1. Соглашение, заключенное членами семьи, может быть изменено или расторгнуто по соглашению его субъектов. Соглашение об изменении или расторжении соглашения совершается в той же форме, что и само соглашение. Односторонний отказ от исполнения соглашения не допускается.

2. По требованию одной из сторон соглашение может быть изменено или расторгнуто по решению суда в случае существенного изменения материального или семейного положения сторон и недостижения соглашения об изменении или расторжении соглашения. При решении вопроса об изменении или расторжении соглашения суд вправе учесть любой заслуживающий внимания интерес сторон».

Такие основания изменения и расторжения семейно-правовых соглашений учитывают их особенности и соответствуют существу семейных отношений.

⁵ Апелляционное определение Магаданского областного суда от 3 июня 2015 г. по делу № 2-365/2015, 33-542/2015 // СПС «Консультант-Плюс». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SOJ;n=1227908>

Литература

1. Брагинский М.И. Договорное право. В 5 книгах. Кн. 1. Общие положения / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. 3-е изд., стер. Москва : Статут, 2001. 840 с.
2. Динамика // Ушаков Д.Н. Орфографический словарь / Д.Н. Ушаков, С.Е. Крючков. 38-е изд., испр. Москва : Просвещение, 1984. 224 с.

Уважаемые коллеги!

Приглашаем Вас к публикации в тематической рубрике журнала «Юрист» № 7!

Тема рубрики: **СПОСОБЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ И ПРЕКРАЩЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ**

Статьи принимаются в срок до 24 мая 2021 года на электронный адрес редакции: avtor@lawinfo.ru с пометкой: «Статья для тематической рубрики. Юрист № 7».

С правилами оформления, порядком предоставления материалов и положением о порядке проведения проверки статей рекомендуем ознакомиться на сайте ИГ «Юрист» www.lawinfo.ru в разделе «Редакционная политика».

Управление многоквартирным домом: за и против

Колоколова Елена Олеговна,
доцент кафедры трудового права и права социального обеспечения
Саранского кооперативного института,
кандидат философских наук
kolokolovalena@mail.ru

В условиях реформирования жилищных отношений особое звучание приобретают вопросы выбора способа управления многоквартирным домом. Собственники обязаны осуществить такой выбор. Именно от принятого решения будут зависеть дальнейшая реализация их жилищных прав, объем их правомочий при решении вопросов относительно общего имущества собственников помещений, сумма расходов на содержание такого имущества. Эти и другие вопросы предстоит решить собственникам помещений в многоквартирном доме. Однако в данных вопросах часто сложно разобраться даже специалисту, а что говорить о собственниках, которые не владеют профессиональными компетенциями в рассматриваемой сфере жилищных отношений. В статье рассматриваются способы управления многоквартирными домами. Выявляются достоинства и недостатки различных способов управления. Анализируется такой орган управления многоквартирным домом, как совет многоквартирного дома. Делаются предложения по совершенствованию жилищного законодательства.

Ключевые слова: способ управления, многоквартирный дом, товарищество собственников жилья, непосредственное управление, управляющая организация, совет многоквартирного дома.

Apartment Block Management: For and Against

Kolokolova Elena O.
Associate Professor of the Department of Labor Law and Social Security Law
of the Saransk University of Cooperation
PhD (Philosophy)

In the context of reforming housing, there is a special acquisition of the issues of choosing a method of managing an apartment building. The owners are obliged to make this choice. The further implementation of their housing rights, the scope of their powers in resolving issues regarding the common property of the owners of premises, the amount of expenses for the maintenance of property will depend on the decision made. These and other issues will have to be resolved by the owners of premises in an apartment building. However, these issues are often difficult to understand even for a specialist, but what to say about the owners who do not possess professional competencies in the considered area of housing relations. The article discusses the ways to manage apartment buildings. The advantages and disadvantages of various control methods are revealed. Analyzed is such a management body of an apartment building as the council of an apartment building. Suggestions are made for improving housing legislation.

Keywords: method of management, apartment building, homeowners association, direct management, management organization, council of an apartment building.

В рамках правового регулирования управления многоквартирными домами следует отметить, что категория «управление» в сфере жилищных правоотношений имеет специфическое значение, определяемое особенностью объекта управления, в качестве которого выступает многоквартирный дом (далее – МКД). МКД представляет собой технически сложный объект, состоящий из множества элементов и систем, ряд из которых может являться источником повышенной опасности, что обуславливает необходимость особой заботы со стороны не только государства, но и граждан, проживающих в МКД. К тому же жилье является одним из основных показателей уровня и качества жизни

населения государства, является гарантом реализации конституционных прав граждан.

Все вышесказанное можно назвать предпосылками необходимости и обусловленности создания системы управления МКД, которая должна строиться на нормах жилищного законодательства с учетом сочетания интересов всех собственников и быть направлена на обеспечение сохранности МКД и безопасности жильцов.

В рамках организации управления многоквартирными домами необходимо отметить, что Жилищный кодекс Российской Федерации (далее – ЖК РФ) определяет, что высшим органом управления МКД является общее со-

брание собственников помещений в таком доме. При этом интересно отметить, что положения о данном органе находятся в главе 6 раздела 2 «Право собственности и иные вещные права на жилое помещение», что, по нашему мнению, не вполне логически обосновано тогда, когда в ЖК РФ есть раздел 8 «Управление МКД». Считаем, что необходимо иначе систематизировать нормы об управлении, убрав их из главы 6, включив в главу 8. Как было отмечено выше, во всех многоквартирных домах вне зависимости от выбранного способа управления высшим органом управления является такое собрание, к компетенции которого отнесены наиболее важные вопросы в сфере управления общим имуществом, и это правило императивно.

Вопросы, отнесенные к компетенции общего собрания собственников МКД, содержатся в ст. 44–46 ЖК РФ¹. При этом буквальное толкование жилищных норм позволяет говорить, что общее собрание не вправе принимать решения, которые законом не отнесены к его компетенции.

Считаем, что такая ситуация не вполне оправдана, так как в случае, если собственниками принято решение о выборе непосредственного способа управления, то общему собранию предстоит решать более широкий круг вопросов, которые ЖК РФ прямо не относит к его компетенции. Поэтому считаем, что необходимо добавить в ст. 44 ЖК РФ п. 6, сформулировав его следующим образом: «Общее собрание вправе принимать решения по иным вопросам, касающимся управления МКД, если относительно таких вопросов собственники приняли решение об отнесении их к компетенции такого собрания».

В рамках совершенствования процедуры управления МКД законодатель ввел в ЖК РФ ст. 161.1, которая регулирует вопросы создания и деятельности совета МКД. Совет МКД создается в случае, если собственники такого дома приняли решение о выборе в качестве способа управления управляющей организацией (далее – УО). Это делается для того, чтобы иметь реальную возможность оперативно контролировать деятельность такой УО. Ведь в отличие от ЖК, жилищно-строительного кооператива (ЖСК) и товарищества собственников жилья (ТСЖ), где управляют домом сами собственники, являющиеся членами данных юридических лиц, такие собственники не входят в органы управления УО.

По факту, совет МКД был призван устранить такие устаревшие формы управления, как домовые комитеты. На деле часто на практике также приходится сталкиваться с такими понятиями, как «старший по дому», «домовой комитет» и т.п.².

Совет МКД должен быть создан при одновременном наличии следующих условий: в таком доме не создан ЖК, ЖСК, иной потребительский кооператив, ТСЖ; в доме более чем 4 квартиры. Регистрация совета МКД законом не предусмотрена.

В рамках предоставленной законом компетенции совет МКД представляет интересы всех собственников дома. По факту совет МКД представляет собой альтернативу таких способов управления, как ТСЖ, ЖК или ЖСК, хотя юридически не признается самостоятельным способом управления и реализуется в рамках либо непосредственного управления, либо, как уже было отмечено выше, в случае, когда дом управляется УО.

Важно отметить, что совет МКД не может заменить общее собрание собственников МКД, который, как уже было отмечено выше, является высшим органом управления МКД. Соответственно, вопросы, отнесенные исключительно к компетенции общего собрания, не могут быть переданы для решения членам совета МКД.

В определенной мере ЖК РФ имеет пробел в правовом регулировании особенностей реализации полномочий совета МКД, так как не содержит норм об ответственности членов совета МКД и его председателя за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязанностей. Считаем, что такая позиция законодателя вполне обоснована, тем, что собственник помещения МКД явно не заинтересован действовать против своих интересов как жильца или пользователя помещений в таком доме. И к тому же на практике не так много желающих есть для исполнения функций председателя и членов совета МКД, а наличие ответственности, например за нечаянные ошибки, совершенные по неопытности, еще больше отпугнет инициативных граждан.

ЖК РФ предусматривает следующие способы управления многоквартирным домом: непосредственное управление, управление товариществом собственников жилья, жилищным, жилищно-строительным кооперативом или иным специализированным потребительским кооперативом посредством управляющей организации.

Относительно непосредственного управления необходимо отметить, что выбор такого способа управления возможен при наличии не более 30 квартир (помещений) в МКД. При данном способе управления лица, которые предоставляют коммунальные услуги, обеспечивают содержание общего имущества МКД, несут ответственность перед собственниками по своим обязательствам в соответствии с договорами и жилищным законодательством Российской Федерации. Договоры на оказание услуг по содержанию общего имущества МКД заключаются собственниками на основании решения их общего собрания. При этом большинство таких собственников выступают в качестве стороны договора. Договоры на предоставление коммунальных услуг заключаются каждым собственником самостоятельно, от своего имени. При этом собственники вправе уполномочить доверенностью одно лицо, которое будет представлять их интересы при совершении юридических действий с третьими лицами. Данное положение нельзя расценивать как замену лиц в обязательстве, так как уполномоченное лицо не становится исполнителем услуг и не обязано оплачивать коммунальные услуги, данная обязанность сохраняется за каждым собственником такого МКД.

Преимущества непосредственного управления МКД заключаются в следующем: отсутствуют дополнительные расходы на управление; техническое обслуживание МКД

¹ Гришаев С.П. Управление многоквартирным домом // СПС ГАРАНТ. URL: <https://garant.ru> (дата обращения: 15.03.2021).

² Крюкова Е.С., Маркова И.В., Поваров Ю.С., Рузанова В.Д. Товарищество собственников жилья (ТСЖ) как способ управления многоквартирным домом / под общ. ред. И.В. Марковой. М.: Деловой двор, 2017. С. 21.

может осуществляться как самими собственниками, так и подрядными организациями, отношения с которыми не обязательно должны быть оформлены на постоянной основе, т.е. их можно привлекать разово, кратковременно, по необходимости; каждый собственник самостоятельно несет ответственность по своим обязательствам в рамках оплаты жилищно-коммунальных услуг и не отвечает по долгам других собственников помещений МКД.

Недостатками непосредственного способа управления являются: снижение эффективности управления в случае увеличения количества собственников помещений; по каждому вопросу необходимо принимать решение на общем собрании; отсутствие возможностей, предоставляемых юридическим лицам, например, невозможно выполнить капитальный ремонт за счет заемных средств либо с использованием средств Фонда капитального строительства.

Жилищный и жилищно-строительные кооперативы (ЖК и ЖСК) представляют собой вид потребительского кооператива, создание которого предусматривает удовлетворение потребности пайщиков в жилье и последующее управление таким МКД. ЖК и ЖСК являются некоммерческими юридическими лицами, действующими на основании устава, который устанавливает полномочия самого кооператива, а также условия и порядок взаимодействия юридического лица и его членов. Из числа членов кооператива избираются органы управления, которые будут осуществлять управление текущей деятельностью кооператива, выступать от его имени в отношениях с третьими лицами. Высшим органом управления является общее собрание членов кооператива, которому подотчетны правление и его председатель. Общее собрание правомочно принимать решения по вопросам содержания общего имущества МКД и предоставления коммунальных услуг.

Недостатком такой формы управления являются, так же как и при непосредственном управлении, проблемы по организации решения различных вопросов в сфере управления МКД. Отсутствие профессиональных знаний председателя и членов правления и многообразие мнений жильцов данную ситуацию не облегчают.

Товарищество собственников жилья представляет собой еще один из способов управления МКД. ТСЖ с 1 января 2014 г. создается в такой организационно-правовой форме, как товарищество собственников недвижимости (далее – ТСН), а с 1 января 2019 г. в данной форме могут создаваться также садоводческие и огороднические некоммерческие товарищества.

Действующая редакция ст. 50 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ) неэффективно выстроила структуру организационно-правовых форм деятельности объединений, цель деятельности которых направлена на управление общим имуществом³. Поэтому считаем, что ТСН не должно рассматриваться как родовое понятие для ТСЖ и подобных объединений (садоводческих, огороднических), так как каждое объединение имеет определенную специфику и

нуждается в особом правовом регулировании. ТСН в данном случае является лишь частным видом корпоративного юридического лица.

Считаем, что ч. 4 п. 3 ст. 50 ГК РФ должна быть сформулирована следующим образом: «...некоммерческих товариществ, к которым относятся ТСН, ТСЖ, садоводческие, огороднические и иные специализированные виды некоммерческих товариществ». Данная формулировка позволит упорядочить правовое регулирование деятельности организаций исходя из специфики образования и уставных целей деятельности.

ТСЖ создается без ограничения срока деятельности при условии, что за его создание отдано более 50% голосов от общего числа голосов собственников помещений в МКД. ТСЖ является юридическим лицом, обладающим специальной правоспособностью, обусловленной следующими целями его создания: совместное управление имуществом собственниками МКД, собственниками нескольких МКД (при условии соблюдения требования об общих границах земельных участков и наличии общей инженерной инфраструктуры), собственниками нескольких жилых домов; обеспечение условий по владению, пользованию общим имуществом собственников МКД, а также распоряжению им в пределах, установленных законом; реализация полномочий по созданию, содержанию, сохранению и увеличению общего имущества; обеспечение и контроль за качеством предоставляемых коммунальных услуг и др.

В осуществлении деятельности ТСЖ как способа управления МКД необходимо отметить следующие аспекты: фактически достаточно широким объемом полномочий в ТСЖ обладает председатель правления, хотя юридически ЖК РФ устанавливает в качестве такого органа общее собрание; считаем, что председатель правления должен быть отнесен к самостоятельному органу управления ТСЖ, исходя из объема его полномочий и компетенции, со всеми последствиями, предусмотренными ст. 53.1 ГК РФ; действующий ЖК РФ не содержит необходимые правовые механизмы, способные обеспечить эффективный контроль за финансово-хозяйственной деятельностью ТСЖ, реализуемой правлением и его председателем.

Преимуществом данного способа управления является наличие возможности: самостоятельно утверждать объем и план проводимых работ по содержанию и ремонту общего имущества, сметы доходов и расходов; целевого направления средств; определять подрядчиков; получения прибыли от деятельности ТСЖ; осуществления контроля использования финансовых средств.

Недостатком данного способа управления является то, что не всегда выбор лица, которое будет осуществлять руководство текущей деятельностью по управлению общим имуществом МКД, является грамотным, часто можно констатировать низкую активность самих граждан в реализации прав по управлению МКД. К тому же ТСЖ может быть ликвидировано или объявлено банкротом в любой момент, что не вызывает уверенности у контрагентов.

Среди законодателей высказывается инициатива внести изменения, которые определяли бы, что члены ТСЖ должны нести субсидиарную солидарную ответственность

³ Гришаев С.П. Постатейный комментарий к Жилищному кодексу Российской Федерации // СПС ГАРАНТ. 2018. URL: <https://garant.ru> (дата обращения: 15.03.2021).

за долги товарищества по оплате содержания, ремонта и обслуживанию общего имущества, что не соответствует конституционным нормам и приведет, скорее всего, к ликвидации такой формы управления, как ТСЖ. Потому что установление порядка, когда члены ТСЖ обязаны будут гасить образовавшуюся задолженность за услуги по управлению, содержанию и обслуживанию, а затем в судебном порядке обращаться к виновным в таком долге с иском о взыскании уплаченной суммы, не представляется рациональным и приемлемым для собственников помещений МКД, что и приведет к тому, что граждане будут отказываться от реализации такого способа управления.

Относительно управляющих организаций, которые осуществляют деятельность в сфере управления многоквартирными домами, отметим, что в случае принятия собственниками помещений МКД решения об управлении общим имуществом такого МКД управляющей организацией вступают в действия нормы ч. 2.3 ст. 161 ЖК РФ. Данная норма устанавливает, что ответственность перед собственниками за оказание услуг и выполнение работ, связанных с управлением, будет нести выбранная УО. Такая УО будет также являться исполнителем коммунальных услуг.

В качестве УО могут выступать любое юридическое лицо независимо от организационно-правовой формы в рамках коммерческих организаций, а также индивидуальный предприниматель, которые получили в установленном законом порядке лицензию на ведение деятельности по управлению МКД (ч. 4.2 ст. 20 ЖК РФ). УО осуществляет деятельность по управлению в соответствии с заключенным с собственниками помещений в МКД договором управления. Такой договор заключается в письменной форме путем составления одного документа, подписанного сторонами (ч. 1 ст. 162 ЖК РФ).

Важно отметить, что договор управления МКД не подпадает под действие норм о публичном договоре, так как УО заключает договор, условия которого согласуются с собственниками каждого МКД, с каждым таким домом отдельно.

В качестве преимуществ выбора такого способа управления, как управляющая компания, можно назвать следующие: она берет на себя полностью ответственность по обслуживанию, содержанию, ремонту общего имущества и предоставлению коммунальных услуг. В отличие от ТСЖ, которое всю ответственность несет самостоятельно, УО может использовать собственные средства на проведение запланированных работ по управлению МКД, если собственники не обладают необходимыми ресурсами ввиду наличия задолженности. Иные способы управления, как

правило, не способствуют формированию дополнительных (резервных) фондов. Поэтому таких средств они привлечь не могут; УО является профессиональным субъектом сферы управления МКД, поэтому выбирает надежных поставщиков услуг и подрядные организации. Масштаб деятельности УО предполагает управление большим количеством МКД, что предполагает возможность использовать профессионалов в различных сферах (юристов, бухгалтеров, инженеров, электриков и др.); УО характеризуется большей стабильностью в деятельности, так как смена уполномоченного лица, его выбытие, не несет угрозу нарушения нормального функционирования МКД. Например, смена председателя правления ТСЖ может затянуть решение неотложных вопросов в сфере управления домом; УО, обладая достаточно широкими материальными и трудовыми ресурсами, имеет возможности для маневра, направляя данные ресурсы на более проблемные участки. Особенно это актуально при возникновении аварийных ситуаций, когда необходимо экстренно разрешать ситуацию.

При реализации управления посредством УО можно выделить следующие недостатки: собственники обязаны нести дополнительные расходы на управление МКД. Это связано с тем, что УО является коммерческой организацией, цель которой – извлечение прибыли в рамках выполнения обязательств по договору управления МКД; УО может самостоятельно принять решение о перераспределении средств на другие проблемные дома, которыми управляет данная организация; не все УО соответствуют высокому уровню профессиональных управляющих многоквартирными домами. Возникают случаи совершения мошеннических действий руководителей УО, что вызывает необходимость постоянного четкого контроля собственниками действий таких управленцев.

В связи с тем что сфера управления МКД затрагивает интересы широкого круга лиц, имеет особую социально-экономическую значимость, представляет собой сложный конгломерат правовых отношений, имеющих много нюансов и практических аспектов реализации, в данной области должны осуществлять деятельность по управлению МКД профессиональные участники, которые подлежат строгому контролю как со стороны самих собственников, так и со стороны государства, которых можно привлечь к ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение взятых на себя обязательств с помощью действующих правовых механизмов. Отдавая «на откуп» сферу управления непрофессиональным участникам данного рынка услуг и работ, законодатель тем самым узаконивает нарушение жилищных прав граждан, которые неизбежны при иных формах управления.

Литература

1. Гришаев С.П. Постатейный комментарий к Жилищному кодексу Российской Федерации / С.П. Гришаев // СПС ГАРАНТ. 2018.
2. Гришаев С.П. Управление многоквартирным домом / С.П. Гришаев // СПС ГАРАНТ. 2019.
3. Крюкова Е.С. Товарищество собственников жилья (ТСЖ) как способ управления многоквартирным домом / Е.С. Крюкова, И.В. Маркова, Ю.С. Поваров, В.Д. Рузанова ; под общей редакцией И.В. Марковой. Москва : Деловой двор, 2017. 194 с.

Защита конституционного права на жилище при обращении взыскания на единственное пригодное для проживания жилое помещение должника в контексте правоприменения

Мандрыка Елена Вадимовна,
доцент кафедры правовых дисциплин
Института экономики и права (филиал)
Академии труда и социальных отношений в городе Севастополе,
кандидат юридических наук
mandrika.elena@mail.ru

Мандрыка Николай Николаевич,
юрист, преподаватель
Севастопольского архитектурно-строительного колледжа
nickmn111@mail.ru

Определены основные проблемы, сложившиеся при реализации конституционного права на жилище при обращении взыскания на единственное пригодное жилище должника. Проанализирована сложившаяся судебная практика в защиту существующих принципиально различных подходов. Предложены авторские направления разрешения данной проблемы.

Ключевые слова: право на жилище, обращение взыскания на единственное пригодное жилище гражданина-должника.

Protection of the Constitutional Right to Housing in Case of Forfeiture of the Debtor's Sole Dwelling Suitable for Living within the Framework of Law Enforcement

Mandryka Elena V.
Associate Professor of the Department of Legal Disciplines
of the Institute of Economics and Law (Branch)
of the Academy of Labour and Social Relations in Sevastopol
PhD (Law)

Mandryka Nikolay N.
Lawyer, Lecturer of the Sevastopol College of Architecture and Civil Engineering

The main problems that have arisen in the implementation of the constitutional right to housing when levying execution on the only suitable housing of the debtor are identified. The established judicial practice in defense of the existing fundamentally different approaches is analyzed. The author's directions for solving this problem are proposed.

Keywords: right to housing, foreclosure on the only suitable home of a debtor citizen.

Конституционное право на жилище (ст. 40 Конституции России) означает создание условий для жилищного строительства, неприкосновенность жилища, а также юридическую возможность иметь жилище в собственности, владеть им, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами (п. 2 ст. 35 Конституции Рос-

сии). И лишиться своего имущества, в частности, жилища невозможно иначе, как по решению суда, на что постоянно обращается внимание в научных трудах¹.

¹ См., например: Прасолов Б.В. Неприкосновенность жилища / Неприкосновенность его произвольного лишения // Семейное и жилищное право. 2018. № 6. С. 42–45.

Конституционное право на жилище защищается гражданско-процессуальным законодательством, а именно абз. 2 п. 1. ст. 446 Гражданского процессуального кодекса РФ (ГПК РФ) устанавливает невозможность обращения взыскания на «жилое помещение (его части), если для гражданина-должника и членов его семьи, совместно проживающих в принадлежащем помещении, оно является единственным пригодным для постоянного проживания помещением», за исключением жилого помещения, «если оно является предметом ипотеки и на него в соответствии с законодательством об ипотеке может быть обращено взыскание» по исполнительным документам². И таким образом, презюмируется имущественный (исполнительский) иммунитет на единственное пригодное для проживания жилища должника.

Другими словами, конституционные нормы провозглашают, обеспечивают и гарантируют право частной собственности на жилище и получают свое дальнейшее развитие в жилищном, а также гражданском и гражданско-процессуальном законодательстве, что связано в первую очередь с тем, что жилище, участвующее в экономическом обороте, является объектом гражданских прав.

Критерии, которым должно соответствовать единственное пригодное для проживания жилое помещение, на которое можно было бы обратить взыскание, до сих пор законодательно не установлены, что порождает определенные проблемы в правоприменительной практике.

Конституционный суд неоднократно указывал на пробелы в правовом регулировании обращения взыскания на единственное жилище, пригодное для проживания, должника и необходимость удовлетворения законных требований кредитора, обращая внимание на то, что поиском баланса интересов между должником и кредитором в таких случаях должен заниматься федеральный законодатель³. Иначе говоря, с одной стороны, Конституционный суд презюмировал имущественный (исполнительский) иммунитет в отношении единственного пригодного жилища для должника, а с другой стороны, призвал не абсолютизировать названный иммунитет, указал на необходимость законодательного урегулирования возможности обращения взыскания на единственное пригодное для проживания жилище.

Однако данный вопрос и в настоящее время не урегулирован правом, что подтверждено и обзором юридической литературы, и правоприменительной практикой. Существуют два принципиально разных подхода к рассматриваемой проблеме: 1) одни ученые на основе анализа постановлений Конституционного Суда России и его правовых позиций приходят к выводу о необходимости сохранения имущественного (исполнительского) иммунитета⁴; 2) другие

ученые-юристы, напротив, анализируют иностранный опыт по данному вопросу и стоят на позиции относительности имущественного иммунитета (исполнительского)⁵.

Практикующие же юристы, изучая судебную практику по данному вопросу, лишь обобщают ее⁶. В то же время анализ правоприменительной практики или же говорит в пользу первого подхода, когда необходимо защитить конституционное право гражданина-должника на жилище, или же в большинстве случаев в пользу второго подхода: не нарушая конституционного права на жилище, найти оптимальное решение для соблюдения баланса интересов и кредитора, и должника. И здесь необходимо отметить, что при снятии исполнительского иммунитета судами велико судебское усмотрение. Это происходит вследствие того, что, во-первых, отсутствуют законодательно установленные разумные и справедливые критерии для снятия имущественного иммунитета; во-вторых, бремя установления критериев несут судьи, осуществляя индивидуальное регулирование рассмотренных общественных отношений.

К наиболее показательным случаям, которые возникают при отсутствии законодательно установленных на федеральном уровне критериев, определяющих характеристики единственного пригодного для проживания жилого помещения должника, включая его стоимость, и являющихся разумными и справедливыми для достойного существования должника, можно отнести следующие, при которых судами снимается исполнительский (имущественный иммунитет).

Во-первых, недвижимость не отвечает признакам жилого помещения, пригодного для проживания, хотя и является единственной в собственности у должника (например, апелляционный суд отказал в исключении из конкурсной массы объекта незавершенного строительства, степень готовности которого составляла 57%, и в нем проживала семья)⁷. В данном случае следует вести речь о несоблюдении баланса интересов кредитора и должника в пользу кредитора.

Во-вторых, по нашему мнению, спорным вопросом, по которому велико судебское усмотрение, является проблема исключения из конкурсной массы наиболее дорогого жилого помещения. Так, должник настаивал на исключении из конкурсной массы квартиры со всеми удобствами, стоимостью более 20 млн руб. У должника имелся также в собственности жилой дом, стоимостью 1 млн руб., который по своим характеристикам не соответствовал, по мнению должника, условиям, достойным для проживания. Суд пришел к выводу, что должник не мотивировал должным образом исключение возможности обеспечения условий для достойного существования и не исключил из конкурсной массы квартиру⁸.

² Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?rnd=96F9A7FED290DE13A3C0B5C5338C8C4E&base=LAW&n=370278&dst=4294967295&cacheid=A05EF5A6578A15CD4C7EA24B5917DDE9&mode=rubr&req=dos#044147605752376196>

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 14 мая 2012 г. № 11-П по делу о проверке конституционности положения абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф.Х. Гумеровой и Ю.А. Шикунова. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision99813.pdf>

⁴ См.: Ветров В. Обращение взыскания на единственное жилье // СПС ГАРАНТ. URL: <https://www.garant.ru/ia/opinion/author/vetrov/538041/>

(дата обращения: 07.02.2021); Гришко А. Обращение взыскания по долгам на единственное жилье. URL: <https://www.gestion.ru/news/articles/obrashchenie-vzyskaniya-po-dolgam-na-edinstvennoe-zhile/> (дата обращения: 07.02.2021).

⁵ Колбина В.А., Невзгодина Е.Л. Обращение взыскания на единственное жилье гражданина при банкротстве // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2020. Т. 17. № 1. С. 69–81.

⁶ Саликов М. Единственное жилье должника. Шесть случаев, когда на него можно обратить взыскание // Арбитражная практика для юристов. 2019. № 5. URL: <https://e.arbitr-praktika.ru/726636> (дата обращения: 07.02.2021).

⁷ Постановление АС Поволжского округа от 1 ноября 2018 г. по делу № А12-23396/2017. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/gr9XiiXAFaUJ/>

⁸ Постановление АС Северо-Западного округа от 4 октября 2017 г. по делу № А56-71357/2015. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/mBA94AHFGKu/>

В-третьих, в случае сокрытия жилища от кредиторов должником, т.е. когда в собственности должника находилось единственное пригодное жилище. Однако он в нем не проживал, а проживал в другом жилье. Апелляционный суд в этом случае пришел к выводу, что факт проживания должника в другом жилом помещении не порождает право собственности у должника, исключив единственное жилье, находящееся в собственности должника, из конкурсной массы.

Однако суд округа, изучив материалы дела, пришел к выводу, что должник не оформил право собственности на другое жилье, в котором проживал, сознательно, скрыв таким образом другое жилое помещение от управляющего⁹. В данном случае мы полагаем, что решение суда является разумным и справедливым, учитывает баланс интересов должника и кредитора.

В-четвертых, если площадь единственного пригодного жилого помещения должника в несколько раз превышает нормы предоставления в субъекте Федерации. Так, арбитражный суд округа указал, что в случае превышения характеристик единственного пригодного для проживания жилого помещения конституционно значимых должник и кредитор должны приходиться к соглашению о возможности покупки нового жилого помещения для должника¹⁰.

Таким образом, отсутствие законодательного установления указанных критериев приводит к тому, что зачастую нарушаются предписания Конституционного Суда России об имущественном (исполнительском) иммунитете. При этом если ранее рассмотренные всеми судебными инстанциями дела об обращении взыскания на единственное пригодное для проживания жилое помещение должника решались не в пользу кредиторов, то в настоящее время, как отмечается в юридической литературе, суды все больше и больше занимают «прокредиторскую позицию»¹¹. Однако Конституционный суд при истолковании данного вопроса приходит к выводу о необходимости защиты конституционного права на жилище, в том числе и права собственности на жилище, считая «слабой стороной» должника¹², при этом неоднократно указывая в своих постановлениях на необходимость устранения пробела в правовом регулировании со стороны федерального законодателя.

Юристы ученые, придерживающиеся подхода об относительности исполнительского (имущественного) иммуни-

тета, определяют отдельные направления разрешения данной проблемы, такие как: выработка критериев, которые должны учитываться при принятии решения суда в пользу кредитора при обращении взыскания на единственное пригодное жилое помещение¹³; описание порядка обращения взыскания на единственное пригодное для проживания жилище¹⁴; принятие специального закона¹⁵.

Разработанный Министерством юстиции РФ в 2016 г. законопроект, посвященный разрешению данной проблемы, предполагал внесение изменений в ГПК РФ путем введения новой ст. 447, состоящей из десяти пунктов и посвященной двум критериям, при которых возможно обращение взыскания на единственное пригодное для проживания жилища, т.е. была предпринята еще одна попытка законодательного урегулирования. Но законом внесенный законопроект не стал вследствие несовершенства предложенных критериев, а также и самого порядка обращения взыскания¹⁶.

Полагаем, что для разрешения проблемы обращения взыскания на единственное пригодное жилое помещение должника необходимы системный подход, требующий системы мер по внесению изменений в действующее законодательство, и концепция, направленная на разрешение данной проблемы, в том числе установление содержания и конкретизация ряда понятий. К таким понятиям относятся: «достойный уровень жизни российского гражданина», «роскошное жилье», «разумные характеристики единственного пригодного жилого помещения при снятии исполнительского иммунитета».

Разумным решением данного вопроса явилось бы внесение изменений путем принятия соответствующих норм относительно баланса интересов должника и кредитора по вопросу об обращении взыскания на единственное пригодное для проживания жилое помещение должника: 1) в гражданско-процессуальное законодательство (возможность снятия исполнительского иммунитета в определенных гражданским и жилищным законодательством случаях); 2) в гражданское законодательство (возможность установления права первоочередной продажи жилища должником и покупки пригодного жилого помещения в установленный срок по характеристикам не ниже, чем установленные жилищным законодательством); 3) в жилищное законодательство (установление характеристик единственного пригодного жилого помещения при снятии исполнительского иммунитета).

⁹ Постановление АС Западно-Сибирского округа от 18 сентября 2017 г. по делу № А03-4289/2016. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/hZF2Nd6fWEbp/?arbitral-txt=&arbitral-case_doc=N%2FA03-4289%2F2016&arbitral-lawchunkinfo=&arbitral-date_from=&arbitral-date_to=&arbitral-region=&arbitral-court=%2FAC+3CO+%28ФАС+Западно-Сибирского+округа%29&arbitral-judge=&_id=1613771086561

¹⁰ Постановление АС Поволжского округа от 27 ноября 2018 г. по делу № А65-23235/2015. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/QH2y4Kgnkplw/>

¹¹ Саликов М. Обращение взыскания на единственное жилье должника. Судебная практика с 01.06.2020 по 01.12.2020. URL: https://zakon.ru/blog/2020/12/11/obraschenie_vzyskaniya_na_edinstvennoe_zhile_dolzhnika_sudebnaya_praktika_s_01062020_po_01122020 (дата обращения: 07.02.2021).

¹² Постановление Конституционного Суда РФ от 26 июня 2020 г. № 30-П/2020. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision476600.pdf>

¹³ Саликов М. Указ. соч.

¹⁴ Павлова Г.Г., Милов В.Ю. Современные проблемы обращения взыскания на единственное жилое помещение, непригодное для проживания // Вестник факультета управления Челябинского государственного университета. 2017. № 1. С. 130–132.

¹⁵ Нахова Е.А., Волков Д.В. Проблемы имущественных (исполнительских) иммунитетов в отношении принадлежащего гражданину-должнику на праве собственности жилого помещения и земельного участка // Ленинградский юридический журнал. 2020. № 2 (60). С. 162–175.

¹⁶ О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Семейный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «Об исполнительном производстве»: проект Федерального закона. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=59339> (дата обращения: 27.02.2021).

Литература

1. Ветров В. Обращение взыскания на единственное жилье / В. Ветров // Гарант.Ру. 2018. 18 апреля.
2. Гришко А.С. Обращение взыскания по долгам на единственное жилье / А.С. Гришко // Gestion. 2015. 24 декабря.
3. Колбина В.А. Обращение взыскания на единственное жилье гражданина при банкротстве / В.А. Колбина, Е.Л. Невзгодина // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2020. Т. 17. № 1. С. 69–81.

4. Нахова Е.А. Проблемы имущественных (исполнительских) иммунитетов в отношении принадлежащего гражданину-должнику на праве собственности жилого помещения и земельного участка / Е.А. Нахова, Д.В. Волков // Ленинградский юридический журнал. 2020. № 2 (60). С. 162–175.
5. Павлова Г.Г. Современные проблемы обращения взыскания на единственное жилое помещение, непригодное для проживания / Г.Г. Павлова, В.Ю. Милов // Вестник факультета управления Челябинского государственного университета. 2017. № 1. С. 130–132.
6. Прасолов Б.В. Неприкосновенность жилища и невозможность его произвольного лишения / Б.В. Прасолов // Семейное и жилищное право. 2016. № 6. С. 42–45.
7. Саликов М. Единственное жилье должника. Шесть случаев, когда на него можно обратить взыскание / М. Саликов // Арбитражная практика для юристов. 2019. № 5 (45). С. 84–89.
8. Саликов М. Обращение взыскания на единственное жилье должника. Судебная практика с 01.06.2020 по 01.12.2020 / М. Саликов // Zakon.ru. 2020. 11 ноября.
9. Уруков В.Н. К вопросу о критериях определения «единственного пригодного для постоянного проживания жилого помещения» / В.Н. Уруков // Семейное и жилищное право. 2017. № 1. С. 41–44.

DOI: 10.18572/1999-477X-2021-3-41-44

Проблема определения круга объектов жилищных прав в Жилищном кодексе Российской Федерации

Никифорова Нина Николаевна,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент
 nikiforova.nin2013@ya.ru

В настоящей статье автор рассматривает объекты жилищных прав, как они определены в Жилищном кодексе РФ, и приходит к выводу, что перечень жилых помещений, содержащийся в законе, не полон, не соответствует градостроительной практике и нуждается в дополнении и уточнении.

Ключевые слова: объекты жилищных прав, жилые помещения, жилой дом, часть жилого дома, квартира, блокированный жилой дом.

Issues of the Determination of the Range of Housing Right Objects in the Housing Code of the Russian Federation

Nikiforova Nina N.
Associate Professor of the Department of Civil and Legal Disciplines
of the Saint Petersburg Law Institute (Branch)
of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
PhD (Law), Associate Professor

In this article, the author examines the objects of housing rights, as they are defined in the Housing Code of the Russian Federation. Author concludes that the list of residential premises, contained in the law, is not complete, does not correspond to urban planning practice and needs to be supplemented and clarified.

Keywords: objects of housing rights, living spaces, dwelling house, part of a dwelling house, apartment, blocked dwelling house.

Определение круга объектов прав, регулируемых выделяемой отраслью права, составляет важную задачу любого кодекса. Обращает на себя достаточно развитая теория объектов в Гражданском кодексе Российской Федерации (ГК РФ). В соответствующий раздел кодекса неоднократно вносились изменения, актуализирующие представление об объектах гражданских прав в связи с расширением сферы правового регулирования. Особенность жилищного права

в том, что сама отрасль тут выделяется по существу по объекту, предметом ее является комплекс общественных отношений, так или иначе связанный с использованием жилья. Казалось бы, при таких обстоятельствах в Жилищном кодексе Российской Федерации (ЖК РФ) положения о жилье (жилище) как объекте жилищных прав должны быть разработаны особенно тщательно. Однако это не так. Суть определенных в ст. 15–16 ЖК РФ положений сводится к

тому, что объектами жилищных прав являются жилые помещения, к таковым кодекс относит: 1) жилой дом, часть жилого дома; 2) квартиру, часть квартиры; 3) комнату. В кодексе дается краткая характеристика указанных объектов. При этом, что именно должно рассматриваться как часть жилого дома или часть квартиры, вообще не указывается. Подобная классификация жилых помещений не дает полного представления о реальных объектах жилищных прав, не соответствует положениям самого же Жилищного кодекса РФ об общем имуществе многоквартирного жилого дома, а также об отношениях, регулируемых жилищным законодательством¹. В нем нет даже определения многоквартирного жилого дома, как, впрочем, и индивидуального, говорится только о жилом доме. Такой подход позволяет некоторым авторам сделать вывод, что многоквартирный дом вообще не является объектом жилищных прав, что само по себе трудно согласуется с общепринятым подходом к жилищному праву как комплексной отрасли права (или комплексному правовому образованию)², регулирующей отношения, связанные с проживанием населения в многоквартирных домах. В то же время следует согласиться с мнением, что его как специфический единый недвижимый комплекс нельзя просто включить в перечисление разновидностей жилых помещений, указанных в ч. 1 ст. 16 ЖК РФ³, поскольку в нем обозначены объекты, предназначенные непосредственно для проживания.

Представляется, что такой узкий подход к определению объектов жилищных прав как только жилых помещений, то есть помещений, предназначенных непосредственно для проживания граждан, является существенным недостатком действующего кодекса. Им игнорируется наличие объектов у прав, вытекающих из других отношений, регулируемых жилищным законодательством, прежде всего из отношений по управлению многоквартирными домами, хотя в настоящее время не просто значительная, а уже большая часть норм кодекса направлена на регулирование именно управленческих отношений. Описанный узкий подход приводит к отсутствию в кодексе исчерпывающей характеристики различных видов домов, предназначенных для проживания граждан, содержащих в себе как жилые, так и нежилые помещения, обладающие особенностями правового статуса. Все правоотношения, регулируемые жилищным законодательством и перечисленные в ст. 4 ЖК РФ, в указанной норме названы жилищными, в рамках всех этих правоотношений у субъектов возникают права, которые, соответственно, также можно отнести к жилищным. Неполнота в определении объектов, регулируемых жилищным правом правоотношений влечет за собой существенную правовую неопределенность и трудноразрешимые проблемы правоприменительной практики. Остановимся на некоторых из них.

Анализ действующего российского законодательства, как жилищного и гражданского, так и градостроительного, позволяет сделать вывод о выделении домов трех видов,

¹ Кобыленкова А.И. К вопросу об объектах жилищных правоотношений // Семейное и жилищное право. 2015. № 4. С. 31–35.

² Прасолов Б.В. Объекты жилищных прав // Семейное и жилищное право. 2017. № 3. С. 33–36.

³ Кириченко О.В., Накушкина Е.В. Понятие и сущность многоквартирного дома // Семейное и жилищное право. 2019. № 3. С. 32–35.

предназначенных для проживания граждан: индивидуального, многоквартирного и блокированного. Однако сам Жилищный кодекс РФ не позволяет четко выделить признаки разграничения индивидуального и многоквартирного жилого дома, а упоминания о блокированных домах в нем нет вообще. Определение жилого дома как дома, состоящего из комнат и вспомогательных помещений, которое содержится в ч. 2 ст. 16 ЖК РФ, подходит только для индивидуального жилого дома⁴.

Обратившись к содержанию Жилищного кодекса РФ, легко определить, что он в основном направлен на регулирование отношений, связанных с проживанием в многоквартирных жилых домах, но определения таких домов кодекс не содержит. Правоприменительная практика основывается на определении, содержащемся в подзаконном акте⁵. Многоквартирный дом рассматривается как совокупность двух и более квартир. При этом квартиры должны иметь самостоятельные выходы либо в помещения общего пользования, либо непосредственно на земельный участок у дома. Других признаков многоквартирного дома в постановлении не указано. Правоведы неоднократно подчеркивали односторонность указанного определения. Оно не отражает главной особенности многоквартирного дома как сложного, составного объекта. Объектом жилищных прав в нем являются как квартиры, так и общее имущество. Помимо этого, сам многоквартирный дом в целом должен рассматриваться как объект жилищных прав, порядок реализации которых регулируется нормами жилищного законодательства. Общее имущество многоквартирного дома как в целом, так и по частям в ряде правоотношений выступает как самостоятельный объект прав. При этом перечень общего имущества определен ст. 36 ЖК РФ и должен ему соответствовать. Большое количество норм Жилищного кодекса РФ регулирует правоотношения, возникающие при взаимодействии собственников и жильцов дома по поводу общего имущества. Следует отметить, что в многоквартирном доме собственник по существу полностью лишен права распорядиться своим имуществом путем его сноса (ликвидации) без совместного решения всех собственников многоквартирного дома.

Жилищный кодекс РФ не приводит и понятия индивидуального жилого дома. Простейшее толкование этого термина позволяет сделать вывод, что это дом на одну семью, в котором не выделяются отдельные самостоятельные объекты недвижимости (квартиры, комнаты, нежилые помещения) с отдельными собственниками. Никаких других ограничений из используемого термина «индивидуальный» не вытекает. При этом из термина «индивидуальный» вытекает право собственника такого объекта распорядиться им путем сноса (ст. 209 ГК РФ), выполнив в необходимых случаях условия, предусмотренные главой 6.4 Градо-

⁴ Николетин С.В. К вопросу о соотношении понятий « жилой дом », « индивидуальный жилой дом », « жилое здание », « жилое строение » // Семейное и жилищное право. 2018. № 2. С. 43.

⁵ Постановление Правительства Российской Федерации от 28 января 2006 г. № 47 « Об утверждении положения о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания, многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, садового дома жилым домом и жилого дома садовым домом ».

строительного кодекса РФ (ГрК РФ), но без обязанности предварительно согласовывать свои действия с другими лицами, если они не являются сособственниками. Однако Градостроительный кодекс РФ по-другому подходит к определению индивидуального жилого дома, включая в него дополнительные признаки. На основании п. 39 ч. 1 ст. 1 и п. 1 ч. 2 ст. 49 ГрК РФ индивидуальный жилой дом характеризуется как отдельно стоящее здание. У него должно быть не более трех наземных этажей высотой не более двадцати метров. Такой дом состоит из комнат и помещений вспомогательного использования. Он не предназначен для раздела на отдельные объекты недвижимости. Получается, что в определение внесены признаки, которые характеризуют не столько индивидуальный характер дома, сколько его строительные особенности, включая невозможность раздела. Приведенное определение подчинено нуждам градостроительного регулирования, поскольку введенные ограничения высоты и этажности позволяют размещать такие дома на землях определенных категорий, выдавать разрешения на их строительство и вводить в эксплуатацию в упрощенном порядке. В то же время указанное определение не отражает жилищно-правовой специфики индивидуального жилого дома как дома на одну семью, коим вполне может быть и многоэтажный дворец, не состоящий при этом из квартир и общего имущества. И наоборот, описанный небольшой дом до трех этажей вполне может оказаться в собственности или в пользовании лиц, одной семье не составляющих.

Утверждение о том, что такой дом не предназначен для раздела на самостоятельные объекты недвижимости, вступает в прямое противоречие как с гражданским, так и жилищным законодательством и сложившейся правоприменительной практикой. Так, ст. 252, 254 ГК РФ предусматривают возможность раздела как общей долевой, так и общей совместной собственности с прекращением режима общей собственности, в том числе на индивидуальный жилой дом. В результате такого раздела жилищно-правовой статус дома меняется, хотя градостроительный остается прежним. Судебная практика длительное время основывалась на том, что у каждого из выделившихся собственников такого дома в собственности оказывается часть дома как объект жилищных прав, признаваемых ч. 1 ст. 16 ЖК РФ. Однако неопределенным оказался правовой статус такого дома. Ранее как в теории, так и в правоприменительной деятельности исходили из того, что к такому объекту следует относиться как к многоквартирному дому с несколькими объектами права собственности (квартирами или частями дома) и общим имуществом. С введением в Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» нормы, не предусматривающей регистрацию права собственности на часть дома как самостоятельный объект, правоприменительная практика изменилась. Поскольку в этой части указанный выше закон противоречил как гражданскому, так и жилищному законодательству, выработалась позиция, подкрепленная как судебной, так и регистрационной практикой Росреестра, что к такому дому следует относиться как блокированному жилому дому, а не многоквартирному, поскольку в нем нет

общих помещений. Так, в соответствии с разъяснением Президиума Верховного Суда РФ (п. 5) Обзора судебной практики по делам, связанным с оспариванием отказа в осуществлении кадастрового учета, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 30 ноября 2016 г., часть жилого дома может быть поставлена на кадастровый учет в качестве самостоятельного объекта недвижимости, если она является обособленной и изолированной и отвечает требованиям, предъявляемым к блокам в жилых домах блокированной застройки, ч. 2 ст. 49 ГрК РФ. При этом судом особо подчеркивается, что изолированные части жилого дома не должны иметь помещений общего пользования, исполняющих вспомогательные функции.

Подобные же толкования о постановке на учет не частей дома, а блоков дают Министерство строительства РФ, Министерство экономического развития РФ, Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии, Верховный Суд РФ, но все эти толкования не соответствуют ни гражданскому, ни жилищному законодательству⁶. Они являются лишь попытками вывернуться из создавшейся ситуации, когда административный закон проигнорировал базовые нормы других отраслей права.

Отсутствие общих помещений не свидетельствует об отсутствии общего имущества собственников дома. Подмена понятий «общее имущество» и «общие помещения» не соответствует смыслу жилищного законодательства. Жилищный кодекс РФ, указывая на часть дома как объект жилищных прав, в дальнейшем не раскрывает особенности взаимоотношений собственников частей такого дома. При разделе дома, как правило, делится и земельный участок, в результате один дом оказывается на разных земельных участках, хотя жилищное законодательство не предусматривает в настоящее время возможность расположения многоквартирного жилого дома на различных земельных участках. Существующая в настоящее время практика регистрации таких домов как блокированных или жилых домов блокированной застройки не разрешает возникающих проблем, в том числе и потому, что Жилищный кодекс РФ полностью игнорирует существование таких домов. Градостроительный кодекс РФ дает определение блокированного дома в ч. 2 ст. 49. Указанный дом должен соответствовать следующим признакам. Этажей в нем должно быть не более трех, блоков не более 10. Каждый из блоков предназначен для одной семьи. Блоки соединены друг с другом общими стенами без проемов. При этом каждый блок расположен на отдельном земельном участке.

Министерство строительства РФ в настоящее время разрабатывает законопроект с внесением вышеуказанных понятий, «жилой дом», в Жилищный кодекс РФ⁷. Данный законопроект официально в Государственную Думу РФ не внесен. Однако из публичных обсуждений проекта можно

⁶ См.: Письмо Минэкономразвития от 14 марта 2017 г. № Д23 и 1328 «О жилых домах блокированной застройки»; Письмо Росреестра от 3 апреля 2017 г. № 14-04075-ГЕ/17; Письмо Росреестра от 27 апреля 2020 г. № 14-05253/20 «О возможности постановки на кадастровый учет блока жилого дома блокированной застройки» // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Письмо Министерства строительства Российской Федерации от 14 марта 2017 г. № Д23и -1328 «О жилых домах блокированной застройки».

сделать вывод, что в Жилищный кодекс РФ предлагается ввести понятие жилого дома блокированной застройки, суть которого опять сводится к тому, что в таком доме не должно быть общих помещений, а также общих лестниц, лифтов, коридоров и т.д.⁸. Непродуманность такого подхода уже отмечена выше. В любом случае, как правильно отмечалось рядом авторов⁹, блокированный дом имеет ряд признаков многоквартирного дома в виде общего имущества. Причем это важнейшие составляющие дома: общие смежные стены, единый фундамент, иногда и общая крыша. Такой дом нельзя по своему правовому положению приравнивать к индивидуальному, он скорее должен рассматриваться как вариант многоквартирного жилого дома с уменьшенным объемом общего имущества. Как критерий разграничения, своего рода «лакмусовую бумажку» можно рассмотреть наличие или отсутствие у собственника права распорядиться своим имуществом путем его ликвидации (сноса). В блокированном доме отдельный собственник не может обладать правом самостоятельного сноса своего объекта, поскольку у него общие стены с соседями. Но перечень общего имущества в таком доме значительно уже, чем в обычном многоквартирном, он не соответствует ст. 36 ЖК РФ. Эта специфика дома должна быть отражена в законодательстве, с одно-

⁸ Пороцкий К.Ю. Актуальные вопросы изменений в Жилищном кодексе // Сайт Российского союза строителей. URL: <https://omorrss.ru/>

⁹ Аблятипова Н.А., Рогожин Н.В. Особенности правового статуса жилого дома блокированной застройки // Научный вестник Крыма. 2019. № (21) С. 19–21; Сулова С.И., Диковенко К.В. Блокированный жилой дом как объект прав // Семейное и жилищное право. 2019. № 1. С. 42–45.

Литература

1. Аблятипова Н.А. Особенности правового статуса жилого дома блокированной застройки / Н.А. Аблятипова, Н.В. Рогожин // Научный вестник Крыма. 2019. № 4 (22). С. 13.
2. Кириченко О.В. Понятие и сущность многоквартирного дома / О.В. Кириченко, Е.В. Накушкина // Семейное и жилищное право. 2019. № 3. С. 32–35.
3. Кобыленкова А.И. К вопросу об объектах жилищных правоотношений / А.И. Кобыленкова // Семейное и жилищное право. 2015. № 4. С. 31–35.
4. Николютин С.В. К вопросу о соотношении понятий «жилой дом», «индивидуальный жилой дом», «жилое здание», «жилое строение» / С.В. Николютин // Семейное и жилищное право. 2018 № 2. С. 43–45.
5. Прасолов Б.В. Объекты жилищных прав / Б.В. Прасолов // Семейное и жилищное право. 2017. № 3. С. 33–36.
6. Сулова С.И. Блокированный жилой дом как объект прав / С.И. Сулова, К.В. Диковенко // Семейное и жилищное право. 2019. № 1. С. 42–45.

временным решением вопроса о порядке взаимодействия собственников блоков по управлению домом. Причем необходимо внесение продуманных изменений, не только дифференцирующих индивидуальные, блокированные и многоквартирные дома, но и предусматривающих возможность трансформации индивидуальных в блокированные и многоквартирные, а также особенности управления блокированными домами.

Возвращаясь к тезису о том, что положения гл. 2 Жилищного кодекса РФ об объектах жилищных прав разработаны поверхностно, необходимо отметить еще ряд пробелов правового регулирования. К таким относится отсутствие какого-либо упоминания о нежилых помещениях в многоквартирных домах, имеющих отдельных собственников, хотя они являются объектами отношений, регулируемых жилищным законодательством об управлении многоквартирными домами, капитальном ремонте, изъятии помещений при изъятии земельных участков для государственных и муниципальных нужд. Не содержит кодекс и определения части дома как самостоятельного объекта жилищных прав. Следует или разработать критерии, позволяющие отнести часть дома к самостоятельному объекту, или исключить упоминания о нем как самостоятельном объекте, приведя Жилищный кодекс РФ в соответствие с градостроительным и регистрационным законодательством.

Положения кодекса об объектах жилищных прав нуждаются в существенной переработке с учетом специфики всех отношений, которые входят в предмет регулирования жилищным законодательством.

При возникновении вопросов,
связанных с оформлением материалов,
можно обращаться в редакцию по телефону: 8 (495) 953-91-08
или по e-mail: avtor@lawinfo.ru

К вопросу о правовом значении категории «достаточность» в жилищных правоотношениях

Николюкин Станислав Вячеславович,
доцент кафедры гражданского права
Российского государственного университета правосудия (РГУП),
кандидат юридических наук, доцент
stanislav-fa@yandex.ru

В статье рассматривается важнейший системообразующий признак жилого помещения, а именно его «достаточность», посредством которого не только устанавливается пригодность жилого помещения для постоянного проживания, но и определяется нуждаемость и обеспеченность граждан благоустроенными жилыми помещениями.

Ключевые слова: категория «достаточность», жилое помещение, жилищное правоотношение, признаки жилого помещения.

On the Legal Meaning of the Sufficiency Category in Housing Relationships

Nikolyukin Stanislav V.
Associate Professor of the Department of Civil Law
of the Russian State University of Justice
PhD (Law), Associate Professor

The article examines the most important system-forming feature of a dwelling, namely its 'sufficiency', through which not only the suitability of a dwelling for permanent residence in it is established, but also the need and provision of citizens with comfortable dwellings is determined.

Keywords: category 'sufficiency', dwelling, housing relationship, signs of dwelling.

Область жилищных правоотношений, которую зачастую называют «жилищной сферой», насыщена различными неоднозначно понимаемыми терминами, на что неоднократно обращалось внимание¹. Проанализируем некоторые общеизвестные факты, немного абстрагируясь от предмета исследования, но не выходя за его пределы.

В жилищном праве аксиомами являются положения о том, что:

– «жилые помещения» в соотношении с «жилищем» рассматриваются как часть и целое. Действительно, «жилище» как объект правоотношений шире, чем «жилое помещение», поскольку «жилище» – это не только «жилые помещения», но и те объекты, в которых граждане вынуждены находиться в силу определенных обстоятельств. Например, если жилое помещение признано непригодным для проживания, оно исключается из жилищного фонда и перестает быть «жилым помещением», то есть переходит в плоскость «помещения».

Между тем не всегда гражданам таких «помещений» своевременно предоставляются благоустроенные «жилые помещения», поэтому первые переходят в разряд «жилища», а именно временного «пристанища»;

– жилые помещения с точки зрения структуры жилищного правоотношения являются его объектами. Не затрагивая видовые особенности жилых помещений, можно отметить, что в настоящее время такой объект с точки зрения действующего жилищного законодательства один – жилое помещение, которое является понятием собирательным. В научных работах достаточно активно дискутируется вопрос о возможности отнесения «многоквартирного дома» к объектам жилищных правоотношений, поскольку последний в действующем законодательстве как таковой не выделен. Между тем в случае, если «жилой дом», зачастую именуемый «индивидуальным жилым домом», относится к одному из видов жилых помещений, то почему бы и «многоквартирный жилой дом» законодательно не определить как вид жилого помещения. Категоричное утверждение, наблюдаемое в литературе, о том, что «многоквартирный дом» не

¹ Николюкин С.В. К вопросу о терминологическом содержании понятия «жилищная сфера» и его роли в жилищно-правовом регулировании // Семейное и жилищное право. 2019. № 3. С. 45–48.

может выступать в качестве самостоятельного объекта жилищных прав², представляется несостоятельным. Тем более что последние изменения Жилищного кодекса РФ (ЖК РФ), а именно дополненная ст. 32.1 ЖК РФ о комплексном развитии территории жилой застройки позволяют утверждать, что объектом жилищных правоотношений является не только жилое помещение, но и многоквартирный дом. В этой части более прогрессивным является, например, Жилищный кодекс Республики Беларусь от 28 августа 2012 г. № 428-З либо Закон Республики Казахстан от 16 апреля 1997 г. № 94-І «О жилищных отношениях» и др.

Кроме того, достаточно часто в научной литературе поднимается вопрос об определении «многоквартирного дома». То, что оно не содержится в ЖК РФ, очевидно. Представляется спорной позиция С.В. Тарадонова и И.О. Иванова в том, что приемлемое определение многоквартирного дома³, удовлетворяющее положениям ЖК РФ, имеется в Постановлении Правительства Российской Федерации от 28 января 2006 г. № 47⁴. Да, такое определение существует, но оно представляется неполным и отчасти неконкретным, на что также неоднократно обращалось внимание⁵;

— жилые помещения являются *недвижимыми вещами*, поскольку очевидна их связь с землей. Между тем, как справедливо отмечает В.В. Кулаков, единственными, в прямом, естественно-научном смысле, объектами недвижимости являются земельные участки, остальные объекты, отнесенные законом к недвижимости, являются производными⁶. Тем не менее если рассматривать «многоквартирные дома», не относящиеся к видам жилых помещений, а составляя лишь их совокупность, как это закреплено в соответствующем подзаконном нормативном правовом акте⁷, то вполне закономерно, что такая связь является опосредованной, поскольку объектом недвижимости является именно «многоквартирный дом», расположенный на земельном участке и введенный в эксплуатацию. Об отсутствии непосредственной связи с землей таких жилых помещений, как квартира и комната, справедливо отмечает

Я.А. Ключникова⁸. Между тем данное суждение не касается «жилых домов», поскольку их связь с землей очевидна, тем более из определения «жилого дома» следует, что данные объекты являются индивидуально-определенными зданиями, чего не содержится в определении «многоквартирного дома». Представляется необоснованным вывод Е.С. Якимовой о том, что словосочетание «индивидуально-определенное», указанное в определении «жилого дома», является излишним⁹;

— жилые помещения предназначаются *для постоянного проживания*. Обратим особое внимание на один из основных (функциональных) признаков жилого помещения — «постоянное проживание». Учитывая, что проживание, согласно ЖК РФ, предполагает длительность, то, разумеется, такое проживание означает «постоянство», что вполне логично. Между тем представляется, что «постоянное проживание» в жилом помещении носит условный характер. В чем же заключается эта условность? В качестве примера рассмотрим жилые помещения специализированного жилищного фонда. К примеру, жилые помещения в общежитиях предназначены для «временного проживания», это касается и жилых помещений маневренного фонда и жилых помещений в домах системы социального обслуживания и др. В таких жилых помещениях возможно проживать только определенное время. Таким образом, в жилом помещении можно проживать как постоянно, так и временно. Налицо противоречие с указанным выше постулатом: «жилое помещение должно быть пригодным для постоянного проживания». Парадоксальная ситуация со служебными жилыми помещениями. В статье 93 ЖК РФ речь идет о «проживании», не «постоянном» и не «временном», а просто «проживании», хотя очевидно, что и в этих жилых помещениях граждане также проживают «временно». Безусловно, что «постоянное проживание» является одним из основных признаков жилого помещения, однако в жилых помещениях специализированного жилищного фонда такое проживание является «временным», а в служебных жилых помещениях граждане могут и просто «проживать», без указания в ЖК РФ на временный характер. Налицо не просто нелогичность законодательной техники, а некая «игра слов».

В некоторых случаях жилые помещения рассматриваются с точки зрения их «благоустроенности». Между тем «благоустроенность», как правило, не выделяется в качестве самостоятельного признака жилого помещения, что также является нелогичным. Представляется, что критерий «благоустроенность» жилых помещений целесообразно не просто закрепить в ЖК РФ, но и раскрыть его содержание, поскольку граждане всех населенных пунктов должны быть в равной мере обеспечены не только горячим и холодным водоснабжением, водоотведением, газоснабжением и иными ресурсами, но и всей необходимой инфраструктурой. Это не только дало бы возможность минимизировать количество ветхих и аварийных жилых помещений, но и

² Жилищное право : учебник / под ред. Е.С. Якимовой. М. : КНОРУС, 2021. С. 31. (298). URL: <https://book.ru/book/936266> (дата обращения: 31.01.2021).

³ Тарадонов С.В., Иванов И.О. Совершенствование терминологии жилищного законодательства в сфере правового регулирования деятельности по управлению многоквартирными домами // Семейное и жилищное право. 2020. № 6. С. 46.

⁴ Постановление Правительства РФ от 28 января 2006 г. № 47 «Об утверждении Положения о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания, многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, садового дома жилым домом и жилого дома садовым домом» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.02.2021).

⁵ Николукин С.В. К вопросу о соотношении понятий «жилой дом», «индивидуальный жилой дом», «многоквартирный дом», «жилое здание», «жилое строение» // Семейное и жилищное право. 2018. № 2. С. 41–45.

⁶ Кулаков В.В. К вопросу о признаках недвижимости как критериев ее государственной регистрации // Современный юрист. 2020. № 2 (31). С. 21–32.

⁷ Постановление Правительства РФ от 28 января 2006 г. № 47 «Об утверждении Положения о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания, многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, садового дома жилым домом и жилого дома садовым домом» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.12.2020).

⁸ Жилищное право : учебник / под ред. Г.Ф. Ручкиной. М. : Юстиция, 2019. С. 36.

⁹ Жилищное право : учебник / под ред. Е.С. Якимовой. М. : КНОРУС, 2021. С. 31. (298). URL: <https://book.ru/book/936266> (дата обращения: 31.01.2021).

ускорило развитие жилищной инфраструктуры в целом, а также повысило благополучное проживание граждан в жилых помещениях. Целесообразно согласиться с позицией Е.В. Басос, что «благоустроенное жилое помещение должно обладать повышенными, по сравнению с минимальными, потребительскими характеристиками, перечень которых должен быть закреплён нормативно... Это позволит не только обеспечить надлежащую реализацию прав граждан на достойное и комфортное жильё, но и дифференцировать жилые помещения для возможности осуществления выселения из жилых помещений...»¹⁰.

Перечень общеизвестных фактов, требующих к себе повышенного внимания, можно было бы продолжать, однако обратимся к категории «достаточность» жилого помещения (жилища), которая в современном жилищном праве не рассматривается как таковая, что представляется контрпродуктивным.

Каково же значение «достаточности» жилого помещения (жилища) при его характеристике как объекта жилищных правоотношений.

Прежде всего отметим, что среди известных признаков жилого помещения, вытекающих в основном из определения жилого помещения, закреплённого в ст. 16 ЖК РФ, «достаточность» жилого помещения не выделяется, так же как и не в полной мере уделяется внимания «доступности» жилого помещения.

Обращение к толковому словарю позволяет понять, что «достаточный» — это «удовлетворяющий потребностям, необходимым условиям»¹¹, «удовлетворяющий какой-нибудь потребности, имеющийся в нужном количестве, довольно большой»; «включающий в себя все необходимые условия, вполне обуславливающий»¹². То есть значение «достаточности» возможно распространить на жилые помещения в смысле «достаточности» жилого помещения (жилища).

Учитывая этимологическую составляющую, «достаточность» в жилищных правоотношениях целесообразно рассматривать в нескольких значениях, а именно как:

а) обеспеченность жилыми помещениями граждан. В данном случае привлекает к себе внимание критерий нуждаемости в жилых помещениях, причем не только в отношении малоимущих, но и всех граждан, которые нуждаются как собственно в жилых помещениях, так и улучшении жилищных условий;

б) надлежащая обеспеченность всеми объектами инфраструктуры, составляющими общее имущество многоквартирного дома;

в) собственно условия, способствующие нормальному, максимально удобному и комфортному проживанию граждан в жилом помещении. Под «достаточностью» в данном значении целесообразно понимать совокупность условий, обеспечивающих постоянное или временное проживание граждан в благоустроенных жилых помещениях в конкретном населённом пункте.

Целесообразно подчеркнуть, что категория «достаточность» формируется из специфических юридически значимых элементов, а точнее, условий, делающих благоприятным проживание не только в жилых помещениях, но и в целом в многоквартирных домах, если речь идет, к примеру, о квартирах. Проанализируем эти элементы.

1. *Правовое обеспечение проживания.* Не требует доказательств истина, что граждане могут проживать в жилых помещениях по тем основаниям, которые прямо предусмотрены законодательством. В частности, по договорам найма жилого помещения, договорам социального найма жилого помещения, договорам найма жилого помещения жилищного фонда социального использования, в случаях приобретения жилого помещения в собственность и т.п. Несмотря на титул лиц, проживающих в жилом помещении, всем им гарантируется защита от принудительного выселения, преследования и иных возможных угроз и т.п.

2. *Наличие жилищных услуг.* Безусловно, наличие жилищных услуг (или, как они именуются, «жилищно-коммунальных услуг») является не только необходимым, но и обязательным элементом благополучного проживания граждан в жилом помещении. Ещё раз необходимо отметить, что, если рассматривать благоустроенность как наличие в том числе энергоресурсов, такая возможность в равной мере должна быть предоставлена всем гражданам и для всех видов жилых помещений.

3. *Материальная доступность,* под которой понимается возможность не только приобретать жилое помещение с учетом реальных доходов, но и оплачивать пользование жилым помещением и всеми оказываемыми жилищными услугами в разумных размерах.

4. *Пригодность для проживания,* то есть возможность гражданам постоянно удовлетворять свои потребности в жилых помещениях, отвечающих требованиям с точки зрения защиты от различных воздействий окружающей природной среды и иных угроз для здоровья. Не вызывает сомнения тот факт, что пригодность напрямую связана с безопасностью проживания в жилом помещении.

5. *Доступность,* под которой понимается беспрепятственная реализация конституционного права на жилище (ст. 40 Конституции Российской Федерации) каждым человеком независимо от его физического, психического и нравственного здоровья, а органы государственной власти и органы местного самоуправления обязаны создавать все необходимые для этого условия.

6. *Местонахождение.* Как известно, местонахождение рассматривается как один из индивидуализирующих признаков юридического лица (ст. 54 Гражданского кодекса РФ), однако и для жилых помещений местонахождение также имеет важное не только правовое, но и социальное значение. Жилые помещения должны, во-первых, располагаться на землях населённых пунктов (гл. XV Земельного кодекса Российской Федерации); во-вторых, быть связаны с развитой социальной, транспортной, а также инженерной инфраструктурой, то есть население должно иметь свободный доступ прежде всего к медицинским, образовательным и иным социальным учреждениям; в-третьих, располагаться в жилых зонах, где создается удобная, здоровая и благоприятная среда проживания.

¹⁰ Басос Е.В. Жилое помещение по договору социального найма: общая характеристика // Семейное и жилищное право. 2021. № 1. С. 43.

¹¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М. : Сов. энциклопедия, 1970. С. 171.

¹² Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М. : Русские словари, 1994. С. 782.

7. *Культурные традиции проживания.* В связи с тем что Российская Федерация является многонациональным государством, а жилые помещения располагаются в населенных пунктах, относящихся к муниципальным образованиям, согласно ч. 1 ст. 131 Конституции Российской Федерации территории муниципальных образований определяются с учетом исторических и иных местных традиций. То есть архитектура жилых домов (как многоквартирных, так и собственно жилых домов) должна в том числе отражать национальные и культурные традиции населения.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать следующие выводы:

Во-первых, «достаточность» жилых помещений (жилища) зависит от многих факторов, а именно социальных, экономических, культурных, климатических, экологических и иных, и ее необходимо понимать не только расширитель-

но, применительно к жилью в целом, но и непосредственно к жилым помещениям, в которых граждане проводят большую часть своей жизни.

Во-вторых, от того, насколько эффективно и результативно осуществляется жилищная политика Российской Федерации, достигаются показатели Стратегии развития жилищной сферы Российской Федерации на период до 2025 года, выполняются положения национального проекта «Жилье и городская среда», повышается уровень обеспеченности граждан жильем и минимизируется показатель «достаточность» жилых помещений при реализации гражданами своих жилищных потребностей.

В-третьих, «достаточность» является одним из основных критериев при характеристике нуждаемости граждан в жилых помещениях, а также обеспечения благополучного проживания в таких помещениях.

Литература

1. Басос Е.В. Жилое помещение по договору социального найма: общая характеристика / Е.В. Басос // Семейное и жилищное право. 2021. № 1. С. 41–44.
2. Жилищное право : учебник / под редакцией Г.Ф. Ручкиной. Москва : Юстиция, 2019. 370 с.
3. Жилищное право : учебник / под редакцией Е.С. Якимовой. Москва : КНОРУС, 2021. 297 с.
4. Кулаков В.В. К вопросу о признаках недвижимости как критериев ее государственной регистрации / В.В. Кулаков // Современный юрист. 2020. № 2 (31). С. 21–32.
5. Николюкин С.В. К вопросу о соотношении понятий «жилой дом», «индивидуальный жилой дом», «многоквартирный дом», «жилое здание», «жилое строение» / С.В. Николюкин // Семейное и жилищное право. 2018. № 2. С. 41–45.
6. Николюкин С.В. К вопросу о терминологическом содержании понятия «жилищная сфера» и его роли в жилищно-правовом регулировании / С.В. Николюкин // Семейное и жилищное право. 2019. № 3. С. 45–48.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка : около 53 000 слов / С.И. Ожегов. 8-е изд., стер. Москва : Советская энциклопедия, 1970. 900 с.
8. Тарадонов С.В. Совершенствование терминологии жилищного законодательства в сфере правового регулирования деятельности по управлению многоквартирными домами / С.В. Тарадонов, И.О. Иванов // Семейное и жилищное право. 2020. № 6. С. 44–47.
9. Толковый словарь русского языка. В 4 томах / под редакцией Д.Н. Ушакова. Москва : Русские словари, 1994. 1424 с.

Для оформления заказа на приобретение одного и/или нескольких печатных экземпляров журнала с опубликованной статьей просим вас при получении уведомления о включении вашей статьи в содержание журнала обратиться в авторский отдел по телефону: 8 (495) 953-91-08, или по электронной почте: avtor@lawinfo.ru